Ги Бретон

История любви в истории Франции

Любовь «по-санкюлотски»

Истории любви в истории Франции

Ги Бретон

Любовь по-санкюлотски

«Этерна»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

Бретон Г.

Любовь по-санкюлотски / Г. Бретон — «Этерна», — (Истории любви в истории Франции)

ISBN 978-5-480-00293-5

«…Потрясение, которое смогло за несколько месяцев свергнуть монархию, правившую страной в течение тринадцати веков, и изменить облик Франции, это потрясение имеет в основе своей серию любовных интриг, связанных друг с другом самым удивительным образом… Таким образом, мы получаем еще новые доказательства того, что любовь, роль которой в Истории современные ученые упрямо стараются не замечать, была движущей силой и причиной всех человеческих поступков, подобно тому, как в предыдущие века она подвигала всех принцев на их деяния….»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

ISBN 978-5-480-00293-5

© Бретон Г.
© Этерна

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 22
Глава 3 33
Глава 4 37
Глава 5 44
Глава 6 47
Глава 7 50
Глава 8 55
Глава 9 58
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Ги Бретон
История любви в истории Франции:
Т. 6. Любовь «по-санкюлотски»

Революция становится настоящей только после того, как в нее вмешиваются женщины.
Мирабо

GUY BRETON
HISTOIRES D'AMOUR DE L'HISTOIRE DE FRANCE

В оформлении использован фрагмент работы Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах» (1830–1831)

Потрясение, которое смогло за несколько месяцев свергнуть монархию, правившую страной в течение тринадцати веков, и изменить облик Франции, это потрясение имеет в основе своей серию любовных интриг, связанных друг с другом самым удивительным образом.

Госпожа де Монтессон, любовница герцога Орлеанского, подкладывает свою племянницу, госпожу де Жанлис, приятельницу энциклопедистов, в постель к будущему Филиппу Эгалите[1]. В перерывах между сеансами любви тот вдруг обнаруживает в себе антимонархические настроения. В это же самое время госпожа де Монтессон добивается передачи ему Пале-Рояля. Этот дворец становится центром средоточия девиц легкого поведения.

Этих девицу подосланных Филиппом, можно было увидеть в Версале в октябрьские дни 1779 года. Затем они появляются в Учредительном собрании под предводительством Теруань де Мерикур. Они же окружают эшафоту громко приветствуя смерть короля.

Наступит день, и они наградят «дурной болезнью» солдат II года и поставят на грань катастрофы Республику у в учреждении которой они приняли столь активное участие.

В те времена судьба избрала своим орудием и других женщин: Симона Эврар побуждает Марата писать кровожадные статьи, которые провоцируют массовые убийства. В сентябре госпожа Ролан организует низложение короля. Для того чтобы спасти Марию Антуанетту, Ферсен будоражит всю Европу, которая берется за оружие. Фаворитка графа Прованского, «королева эмиграции» госпожа де Бальби, добивается помощи России в борьбе против республиканской Франции. Покинутая любовница господина де Шаретта выдает республиканцам время отступления мятежников-шуанов. И наконец, именно для того, чтобы спасти Терезию Кабаррю, Тальен организует контрреволюционный переворот 9 термидора, положивший конец Террору…

Революция закончилась. И несколько дам, имеющих очаровательные мордашки и не страдающих никакими комплексами стыдливости, берутся привести на вершину славы некого юного офицера-корсиканца. Благодаря их протекции он становится командующим артиллерией, освободителем Тулона, потом генералом…

Он станет монархом, поскольку дамы сумеют правильно использовать свое влияние… Таким образом, мы получаем еще новые доказательства того, что любовь, роль которой в Истории современные ученые упрямо стараются не замечать, была движущей силой и причиной всех человеческих поступков, подобно тому, как в предыдущие века она подвигала всех принцев на их деяния. Можно с уверенностью сказать, что большая часть важнейших политических актов этих., как принято было почему-то считать, «бессердечных патриотов» была продиктована страстью. Все они любили женщин. И это – совершенно нормальное явление. Но у нас появляется вполне законное удивление, когда мы узнаем о том, что все эти великие низвергатели трона были одержимы одной лишь мыслью: как бы поскорее заняться любовью…

Глава 1
Госпожа де Монтессон и госпожа де Жанлис подстрекают герцога Орлеанского и его сына к бунту

Огонь, пылавший в потаенных местах этих двух женщин, зажег факел Революции.
Жюльен Дарбуа

В десять часов утра 2 мая 1766 года к домику привратника Пале-Рояля подошла, покачивая задом, как это было принято делать в свете, молодая танцовщица театра «Гранд-опера» Розали Дютэ. Ей было пятнадцать лет от роду, у нее были лукавые глаза, белокурые волосы, очаровательная улыбка и энергично устремленная в будущее грудь.

– Господин герцог Орлеанский ждет меня, – сказала она.

Ее провели во дворец, и она была немедленно принята герцогом. Усадив посетительницу, он в течение нескольких минут с нескрываемым удовольствием разглядывал ее.

– Так вот, мадемуазель, – промолвил он наконец, – разрешите объяснить вам, почему я взял на себя смелость пригласить вас сюда. Друзья очень расхваливали мне ваши чары и определенные способности, которые, как мне кажется, позволяют вам быть идеальной партнершей в некоторого рода играх.

Розали была явно польщена.

– Монсеньор, я была бы очень счастлива, если бы вы смогли получить какое-нибудь удовольствие от моей ничтожной персоны…

Герцог улыбнулся:

– Речь в данном случае не обо мне, – сказал он, – а о моем сыне, герцоге Шартрском, который сильно меня беспокоит. В свои восемнадцать лет он все еще невинен и, кажется, ничуть от этого не страдает. Он апатичен, ко всему безразличен и так мало интересуется женщинами, что мы все со страхом думаем, уж не получает ли он удовольствия от запрещенных развлечений…

Такая возможность действительно очень беспокоила герцога. Он боялся, что сын его пойдет по той кривой дорожке, по которой в свое время пошел его прапрадед, брат Людовика XIV. Поскольку этот предок до сих пор был позором всего семейства.

Розали Дютэ начала понимать, что от нее требовалось. Она стала слушать более внимательно.

Герцог между тем продолжал:

– Зная о вашем исключительном таланте, я подумал, что вы сможете оказать нам большую услугу и навсегда приобщить моего сына к прелестям вашего пола…

Молодая танцовщица, как, впрочем, и все артистки нашего великого лирического театра, была весьма искушенной по части любовных игр[2]. Она согласилась взяться за это дело и пообещала сделать все, что от нее зависит.

– И когда же мне надо будет начать?

– Сейчас же.

И герцог Орлеанский велел позвать сына.

– Я оставлю его с вами наедине. Он ничего не знает о моих намерениях, поэтому его поведение будет вполне естественным. Заставьте же дрожать каждую клеточку его тела, и я докажу вам, что никогда не был неблагодарным человеком.

В тот же момент в комнату вошел герцог Шартрский.

Это был высокий застенчивый молодой человек с очень свежим цветом лица. Он вежливо поприветствовал Розали и сел, стыдливо сжав колени. Отец его не стал понапрасну терять время.

– Мадемуазель Розали Дютэ, одна из самых очаровательных танцовщиц «Гранд-опера», – сказал он. – Она хочет что-то сказать вам с глазу на глаз… Надеюсь, вы сможете поддержать разговор и найти достойные ответы… А пока я вас покидаю…

Он поднялся и вышел, оставив молодых людей наедине.

Розали, у которой до этого уже было несколько подобных учеников, знала, что в преподавании науки любви малейшее стеснение, возникающее в отношениях между преподавателем и учеником, грозит стать помехой и нарушить весь нормальный ход обучения. Поэтому, не говоря ни слова, она подошла к герцогу Шартрскому, уселась к нему на колени и поцеловала в губы, «активно работая при этом опытным языком» для того, чтобы наилучшим и самым доходчивым способом доказать ему, что лучший в мире язык можно найти только в Париже…

Это будущему Филиппу Эгалите показалось несколько бесцеремонным, и он в испуге отстранился. Чтобы его успокоить, Розали прошептала ему на ухо:

– Простите меня, монсеньор, но вы мне очень нравитесь. Вы так прекрасны!

Эта грубая лесть немного успокоила герцога Шартрского, и он перестал отстраняться.

Розали, сразу же пустив в ход хорошо зарекомендовавшие себя приемы, решила подготовить его к усвоению ее первого урока.

К несчастью, бедный юноша, охваченный глубокой апатией, казалось, не проявлял к занятиям никакого интереса. «Его естество, которое ни одному таланту не удалось еще приучить к подобным проказам, – писал некий автор, – упорно оставалось глухим к ее призывам». Тонко чувствуя ситуацию, юная танцовщица поняла: для того чтобы герцог пошел за ней, надо сделать так, чтобы он, как говорят, «насторожился»…

Немного настойчивости и глубокие педагогические навыки позволили грациозной учительнице хорошо подготовить ученика к усвоению материала и привести его в состояние, позволявшее начать с азов…

Когда же он пришел в такое состояние, что стал проявлять интерес к дальнейшему обучению, Розали увлекла его на софу.

И там Филипп, которого способная Розали вывела наконец из скованного состояния, продемонстрировал такие способности, что герцог Орлеанский, наблюдавший за уроком через замочную скважину, пришел к выводу, что сын его «был достоин своего положения и мог с честью приумножить славу их рода…»

Он собрался уже было войти в комнату и поздравить сына с этим успехом, но вовремя увидел, что герцог Шартрский, которому первое практическое занятие показалось наглядным, но слишком простым, попросил Розали повторить его с чуть большей фантазией…

Счастливый и гордый, отец снова приник к замочной скважине и стал очевидцем второго, полного неистовой страсти урока. Филипп был, несомненно, способным учеником. Отдав дань всем прелестям Розали, он трижды доказал, что в основном освоил эту приятную науку…

Когда занятия закончились, герцог Орлеанский вошел в салон. Филипп лежал на софе и тяжело дышал. Увидев отца, он почтительно поднялся. «Однако, – отмечает господин де Буйе, – в его поведении было теперь что-то мужское, что отец отметил с большим удовлетворением. Легким движением руки Розали превратила своего скромного ученика в мужчину, познания которого по части женщин уже сделали его высокомерным и уверенным в себе»[3].

– Итак, какого вы мнения о вашем ученике? – спросил герцог Орлеанский у танцовщицы.

«Вместо ответа, – добавляет господин де Буйе, – Розали Дютэ бросилась на шею своего юного любовника и покрыла его лицо поцелуями. Тогда герцог со слезами на глазах привлек к себе обоих молодых людей и расцеловал их».

Согласитесь, это была трогательная семейная сцена…

Чрезвычайно довольный своей находчивостью, герцог пригласил затем грациозную Розали в свой кабинет и вручил ей пакет с крупной суммой денег.

– Ваш метод обучения просто восхитителен, мадемуазель, – сказал он ей. – Я с удовольствием порекомендую вас тем из моих друзей, у кого есть сыновья, не лишенные еще невинности.

Растроганная этими словами, мадемуазель Дютэ поблагодарила его и сказала, что будет счастлива иметь учеников из добропорядочных семей.

По свидетельству некоторых историков, взволнованный герцог вроде бы спросил у нее, не дает ли она также уроков повышения квалификации. Получив утвердительный ответ, он якобы попросил ее немедленно начать занятия…

В знак благодарности за это он, судя по всему, выполнил свое обещание и подыскал для нее множество клиентов.

То, что Розали Дютэ лишила невинности герцога Шартрского, очень прославило ее. Все любители женского пола возжелали вкусить ее прелестей и усовершенствовать свои навыки и познания в любви под руководством столь известной учительницы. Ее засыпали приглашениями и просьбами, и в самом скором времени она, если можно так выразиться, стала нарасхват.

А пока она таким образом делала себе имя и создавала положение в полусвете, Филипп, войдя во вкус, ударился в самый настоящий разгул. Он стал посещать салон сводниц и быстро приобрел в тех кругах удивительно высокую репутацию.

Вот что писал в своем рапорте полицейский Марэ, которому было поручено следить за герцогом Шартрским:

«Герцог Шартрский наконец впервые появился у госпожи Бриссод. Когда он пришел к ней, она угостила его самым изысканным кусочком, который у нее был. Чести увести к себе Его Светлость удостоилась мадемуазель Лавинь по прозвищу Дюранси. Расстались они только после третьего сеанса. Принц был явно восхищен партнершей и дал оной пятнадцать луидоров. Потом велел передать госпоже Бриссод, что с удовольствием повторил бы этот визит, но девица Дюранси этого не захотела, поскольку нашла, что принц очень груб в своих ласках, лишен всякой нежности, да к тому же ругается словно извозчик. Некоторые девицы тоже придерживаются такого же мнения, и все говорит о том, что он проявляет склонность к самому низкому распутству.

Для того чтобы исправить подобный недостаток, было бы желательно, чтобы он по-настоящему влюбился в честную порядочную женщину, которая смогла бы оказать на него достаточное влияние, с тем чтобы он стал более обходительным и не произносил слов, от которых краснеют самые презренные создания. Никогда принц не сравнится с Его Светлостью отцом своим. Тот тоже очень рано пристрастился к подобным развлечениям, но относился к ним совсем иначе… и все красивые женщины мечтали, чтобы он их завоевал…»[4]

Этому пристрастию к распутству суждено было предопределить судьбу будущего Филиппа Эгалите, а вместе с ней и судьбу французского королевства…

Грубость юного герцога стала вскоре столь невыносимой, что большинство проституток, шокированных его манерами, наотрез отказывались иметь с ним дело как с клиентом.

Отвергнутому проститутками несчастному повесе оставался лишь один выход: обратить свой пыл на артисток и светских дам.

Он стал устраивать на улице Сен-Лазар ужины совместно со своими друзьями – шевалье де Куаньи, герцогом де Фронсек, графом де Безенваль и графом д'Осмон, – где можно было позволить себе любые экстравагантные поступки.

Как-то вечером во время одного из таких «ужинов с сюрпризами» Филипп распорядился подать к столу огромнейших размеров слоеный пирог с начинкой.

– Повар запек в этом пироге некий деликатес, который приведет в восторг самых требовательных гурманов, – объявил он. – Вы любите перепелок? Так вот, повар заверил меня в том, что мы обнаружим в этом чуде кулинарного искусства самую аппетитную перепелочку, которую когда-либо запекали в пироге[5].

Он хлопнул в ладоши. Верхняя часть слоеного пирога внезапно отлетела в сторону, и из него, словно чертик из табакерки, выскочила восхитительная блондинка лет пятнадцати от роду, совершенно голая. «Она, – как написал Пьер Ноден, – сидела в маленьком домике из запеченного теста»[6].

Спрыгнув на ковер, она пробежала по комнате, «вихляя задом и тряся грудью». Увидев, что все гости смотрели на нее с вожделением, герцог объявил, что каждый из присутствующих имеет право вкусить ее прелестей, но «для того, чтобы быть уверенным в том, что гостям подается хорошее блюдо, он намерен снять пробу».

По залу прокатился недовольный ропот.

– Не стоит возмущаться, – сказал герцог с улыбкой. – Я отношусь к вам так же, как в Версале относятся к королю.

Филипп намекал на «испытание» – меру предосторожности, существовавшую на протяжении многих столетий при дворе французских королей. Монархи так опасались того, что их могут отравить, что требовали, чтобы кушанья подавались к королевскому столу таким образом, «чтобы исключить всякую возможность подмешивания в них яда». Кроме того, перед тем, как кушанья подавались к столу монарха, их пробовал дежуривший на кухне офицер. Если по прошествии некоторого времени он оставался в живых, «продукт» подавался королю. Если же, напротив, офицер умирал, и, как правило, в страшных мучениях, блюдо выбрасывали. Эта простая мера предосторожности позволяла подавать на стол монарху только проверенную пищу…

«Испытание», которое предлагал провести на себе Филипп, было несколько иного рода. И поэтому граф де Безенваль позволил себе заявить со свойственной ему прямотой:

– Нижайше осмелюсь заметить, что офицер, снимающий пробу на королевской кухне, никогда не «добавляет специи» в те блюда, которые должен отведать.

Это всех очень рассмешило, поскольку до всех дошел слух о том, что не так давно герцог Шартрский, шляясь по самым сомнительным притонам, подхватил «дурную болезнь». Он был поэтому, как тогда было принято говорить, «начинен специями»…

Филипп нисколько не обиделся. Скорее наоборот. Он ответил на это набором самых крайних непристойностей, что говорило о его хорошем настроении.

Потом, усадив девицу к себе на колени, он попросил ее оказать ему небольшие услуги…

Гости, в предвкушении зрелища, беспокойно заерзали на стульях.

– Не надо быть столь нетерпеливыми, стадо свиней, – шутя сказал им герцог. – Начинки этого слоеного пирога хватит на всех.

Он хлопнул в ладоши. Двери распахнулись, и в комнату впорхнуло полдюжины совершенно голых девиц из труппы театра «Опера» в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Они хотя и не были столь же свежи на вид, как девица из пирога, но были порочны ничуть не менее своей юной подруги…

И пошла потеха…

Некоторое время спустя склонный к причудам Филипп организовал для своего друга Фитц-Джейм-са, собравшегося жениться, любопытный «вдовий ужин», на который были приглашены все любовницы будущего семейного человека. Ужин проходил в обтянутой черным крепом комнате, где все девицы прикрывали свою наготу лишь черными кружевами…

На подобных ужинах любви каждый гость должен был исполнить песню. Приведем несколько куплетов, распевавшихся на этих «скромных ужинах» и наглядно иллюстрирующих атмосферу той приятной эпохи французской истории:

Пусть у любого другого
Мебели дома много.
Что толку мне от обстановки той?
Не вижу проку я в кровати золотой.
Мое убежище украшено одной
Непритязательной Софой.
Она в сатине белом хороша
И как-то по-весеннему свежа.
Ее я просто ужас как люблю.
И люстры свет неплох,
Он ярок, как в тот день, когда я лег
Впервые на Софу мою.
Ее прелестны очертанья,
Округлы и полны очарованья,
Она приносит радость мне.
Как я люблю в нее вжиматься
И в день ненастный согреваться
На милой мне Софе.
Ни днем, ни ночью я проблем не знаю,
На ней я с наслажденьем отдыхаю.
Она принадлежит лишь мне.
Она – сама восторг и совершенство!
Огромное я нахожу блаженство
В моей излюбленной Софе.
Она любого очарует знатока.
Но, к счастью, я один пока
Моею пользуюсь Софой.
С нее схожу я с крайним сожаленьем,
Но часто снова на нее влезаю с рвеньем.
На ней хочу весь век прожить я свой.

Сам же Филипп имел в своем репертуаре песни без этих двусмысленностей, поскольку терпеть не мог всех этих тонкостей и намеков. Он любил похабные куплеты и с нескрываемым удовольствием распевал их при всяком, как ему казалось, удобном случае, чем приводил даже своих видавших виды приятелей в крайнее смущение…

Эта разгульная жизнь сына стала в конце концов сильно беспокоить герцога Орлеанского. И тот в конце 1767 года решил женить сына для того, чтобы герцог Шартрский хотя бы немного остепенился.

После долгих раздумий герцог Орлеанский остановил свой выбор на очаровательной белокурой принцессе Луизе-Марии-Аделаиде, дочери графа де Бурбон-Пантьевр, ведущего свой род от графа Тулузского, сына Людовика XIV и госпожи де Монтеспан. Эта пятнадцатилетняя принцесса была, как и ее брат, принц де Ламбаль[7], наследницей огромного состояния[8]. Женившись на ней, Филипп мог сделать Орлеанский дом самым богатым семейством Франции. Даже более богатым, чем правящая ветвь Бурбонов…

Свадьба состоялась 5 апреля 1769 года.

После шикарного ужина молодожены стали готовиться к церемонии «первой брачной ночи», которую Орлеанское семейство превратило в необычное публичное представление. В тщательно закрытом будуаре очень взволнованная предстоящим Мария-Аделаида одевала на себя ночную сорочку, в другой комнате, двери которой закрыты были не столь тщательно, Филипп в присутствии короля снимал с себя шляпу и шпагу. Первую часть ритуала можно было начинать…

Когда молодожены были готовы, они одновременно вошли в спальню, где стояло их супружеское ложе. Тут же распахнулись двери спальни и в комнату ввалилась толпа гостей, которые выстроились в ногах кровати, стараясь не пропустить ни малейшей детали волнующего зрелища. Пришел Великий Приор и осенил крестом ложе, на котором дрожавшая от волнения новобрачная должна была стать женщиной. Совершив таинство, он удалился, делая вид, что вовсе не замечает игривых взглядов присутствующих.

Под жадными взглядами тридцати человек Мария-Аделаида с помощью двух своих компаньонок юркнула под простыню.

А тем временем Филипп отправился разоблачаться в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся в носках и ночной рубашке, надетой на голое тело.

Публика, знавшая, что должно было произойти, все свое внимание перенесла на него. Герцог сбросил одежду, и каждый из присутствовавших мог убедиться в том, что, согласно обычаю, зародившемуся во времена Генриха III, он был полностью лишен волосяного покрова…

Андре Кастело, поведавший обо всем этом, отмечает к тому же, что «принцы полагали, что, сбривая в день свадьбы все волосы с тела, они тем самым отдавали дань уважения своим супругам…»

Получив ночную сорочку из рук Людовика XVI, Филипп надел ее и лег в кровать, держа в руке ночной колпак. Тут же граф Парижский и маркиза де Полиньяк задернули занавески с обеих сторон кровати. Со стороны ног кровать оставалась некоторое время открытой, и это позволило всем желающим зайти в спальню и поглазеть на молодых, натянувших на себя простыню до самого носа. Когда поток любопытных иссяк, штору задернули и с третьей стороны кровати.

И молодожены, оставшись наконец вдвоем, смогли отдаться чистой и светлой радости обладания друг другом…

Спустя четыре дня после свадьбы Филипп поехал с Марией-Аделаидой в театр «Опера». Когда они разместились в зарезервированной им ложе, молодая герцогиня в восторге захлопала в ладоши, словно малое дитя. Потом вдруг прошептала:

– Почему здесь столько дам в черных одеяниях? Разве прилично ходить на спектакль во время траура?

Бедняжка не могла знать, что все эти красотки, надевшие вдовьи одежды и бросавшие жалостливые взгляды на ложу герцогской четы, были прежними любовницами ее муженька…

Эта сомнительного свойства манифестация была совершенно излишней, и парижские дамы легкого поведения вскоре смогли в этом убедиться. Поскольку Филипп в скором времени вернулся к своим распутным занятиям и снова стал организовывать – на сей раз на улице Бланш – те ужины без одежд, на которых основное блюдо далеко не всегда готовилось на кухне…[9]

Теряя голову при виде любой юбки, герцог Шартрский набрасывался на всех молодых женщин, которые встречались ему на пути, и сразу же старался запустить руку за корсаж… Большинство из них расценивали это как простой знак внимания к их особам и бывали этим явно польщены. Встречались, правда, некоторые, кому это не очень нравилось. Так, например, Филиппу пришлось однажды потерпеть сокрушительное поражение от Розы Бертен, юной швеи, которой суждено было стать впоследствии знаменитой модисткой Марии Антуанетты.

Двадцатидвухлетней Розе было поручено заняться гардеробом Марии-Аделаиды, которая наивно приняла портниху под свое покровительство. Филиппа, разумеется, мадемуазель сразу же заинтересовала…

Про этот мало кому известный случай, который едва не закончился похищением, рассказал нам Эмиль Ланглад.

«Случилось так, – пишет он, – что герцог Шартрский обратил на нее свое внимание в тот же день, когда она впервые явилась в Пале-Рояль, чтобы показать герцогине свои модели. И вот, приметив портниху, он с ней заговорил и стал ее домогаться, обещая подарить драгоценности, лошадей, кареты и даже дом, обставленный по последнему крику моды, если она согласится стать его любовницей. Но герцог Шартрский совершенно напрасно тратил свое красноречие и сыпал перед ней мадригалы: он ничего не добился. Но чем решительнее ему отказывали, тем упорнее он хотел получить желаемое. Он уже не только желал красивую модистку, но и был уязвлен ее сопротивлением. Честь его была задета до такой степени, что он даже разработал план ее похищения. А для успешного его выполнения держал наготове домик в Нейли, куда обычно увозил свои новые приобретения. Роза, поставленная в известность об этом плане слугой герцога, таиться от которого Филипп посчитал совершенно излишним, тряслась от страха всякий раз, когда ей приходилось относить свои поделки в Пале-Рояль. Она больше не осмеливалась выходить из дома с наступлением темноты и жила в постоянном страхе, опасаясь попасть в какую-нибудь западню.

Она слишком хорошо познала нравы крупных вельмож своего времени, бравших пример с короля Людовика XV, чтобы не понимать того, что ей следовало быть ежесекундно начеку, не терять бдительности ни днем, ни ночью, что в Париже случались уже похищения куда более знатных женщин, нежели простой модистки, вынужденной к тому же постоянно бегать по городу[10].

И вот однажды Роза Бертен понесла важный заказ на дом к графине д'Юссон. В тот самый момент, когда она демонстрировала своей клиентке образцы тканей, слуга объявил о прибытии герцога Шартрского. Оставив Розу, графиня устремилась навстречу высокому гостю и усадила его в кресло.

Модистка, о существовании которой хозяйка, конечно, забыла, приблизилась и с совершенно естественным видом уселась в кресло, стоявшее рядом с креслом герцога. Госпожа д'Юссон, пораженная подобным нахальством, промолвила надменно:

– Мадемуазель Роза, не забывайте, что вы находитесь в присутствии Его Светлости!

– Что вы, мадам, я, разумеется, помню об этом.

– И как же это вы смеете вести себя подобным образом?!

– Госпожа графиня, вероятно, не знает о том, что я могла бы стать сегодня же, если бы захотела, герцогиней Шартрской.

Смущенный этими словами, герцог опустил голову, а графиня д'Юссон была опечалена тем, что оказалась таким образом замешанной в альковные дела в присутствии главного заинтересованного лица.

– Да, мадам, – снова заговорила Роза. – Мне было предложено все, что может соблазнить бедную девушку. А в ответ на мой отказ мне стали даже угрожать похищением. Ни больше ни меньше. А посему, милые дамы, если вы не получите к нужному сроку ваших красивых чепцов, если не досчитаетесь поясков или если вам скажут, что бедная Роза куда-то исчезла, спросите об этом у монсеньора. Он будет знать, где я нахожусь.

Графиня решила, что лучше всего свести все это к шутке, и рассмеялась.

– Ну и что вы на это скажете, монсеньор? – спросила она.

– А то, – ответил принц, – что я считаю, что для того, чтобы укротить непокорную, это – единственно подходящее средство. И что нельзя ставить мне в вину то, что я хочу добиться любыми путями расположения столь очаровательной особы.

Роза усмехнулась:

– О, как вы правы, монсеньор, предпочитая модистку вашей августейшей супруге. Принцессе, в которой воплощены и красота, и бесчисленные достоинства. Но согласитесь, госпожа графиня, что та, которую хотят сделать – вопреки нормам приличия – своей подружкой, вполне может вести себя с вами фамильярно. Так пусть же монсеньор не забывает о своем высоком положении, а я всегда буду помнить о той огромной дистанции, которая разделяет его и меня…

После этого Роза поднялась с кресла и низко поклонилась герцогу, который вполголоса произнес:

– Вы – маленькая змея!

Однако же Филипп урок этот усвоил и с этого дня прекратил досаждать молодой модистке. Она стала приходить в Пале-Рояль, не опасаясь, что за любым поворотом коридора она может попасть в объятия принца, который с видом знатока станет взвешивать на ладони своей ее молодую грудь».

Продолжая свои похождения, герцог Шартрский, которого избрали великим магистром французских «вольных каменщиков» (франкмасонов), стал оказывать поддержку парламенту в его борьбе против королевской власти.

Мы знаем, что в те времена судейские чиновники, сила которых росла из года в год, стали влиятельной и опасной силой. Настоящим государством в государстве. «Парламенты [11],– писал Жак Бенвиль, – права которых с годами непомерно возросли, стали помехой королевскому правлению. Оппозиция верховных судов, судов провинций, поддерживавших парижских парламентариев, грозила привести страну к политической катастрофе. Суды дошли до того, что объявили свою целостность и неделимость. Они стали действовать заодно, отвергать королевские эдикты под руководством парижского парламента. Судейские даже стали затевать рукопашные схватки с королевскими офицерами…» «Эта поразительная анархия, – отмечал Вольтер, – не могла долго продолжаться. Надо было, чтобы или корона снова взяла в свои руки власть, или же чтобы победили парламенты». Сложилось такое положение, когда одна власть столкнулась с другой, и одна из них должна была пасть» [12].

И было очень странно видеть, как герцог Шартрский, кузен короля, поддерживал эту нараставшую оппозицию королевской власти.

В 1771 году выведенный из себя Людовик XV отправил в ссылку семьсот членов парламента и велел канцлеру Мопу набрать новый состав парламентариев. Эта реформа, «акт смелой политики», естественно, подверглась яростной критике со стороны оппозиции. Возмущенные продажностью судов простолюдины, которые уже обрадовались было отмене непомерных судебных сборов, а также тому, что правосудие стало бесплатным, послушно стали повторять во весь голос то, что им говорили.

Герцог Орлеанский, встав на сторону сына, отказался принять участие в работе парламента нового состава, что для принцев крови было делом неслыханным.

Из-за этого отказа оба герцога, которым король запретил появляться при дворе и которые были лишены части своих доходов, быстро превратились в глазах народных масс в жертв борьбы за народное дело. Их популярность сильно возросла. На улицах прохожие аплодировали им, а кое-кто стал уже вполголоса поговаривать о том, что эти Орлеанские принцы неплохо бы гляделись на королевском троне…

На самом же деле поведение этих двух мужчин было продиктовано – как, впрочем, и всегда – женщиной. Толстый герцог Орлеанский безумно влюбился в очаровательную маркизу де Монтессон, сестру госпожи де Бурж, связанную родственными узами через мужа своего с Ламуаньоном де Мальзербом, известным членом парламента, руководителем бунта «крючкотворов-судейских».

«Таким образом, – писал Андре Кастело, – через посредство госпожи де Бурж и госпожи де Монтессон лидеры парламентской Фронды могли направлять в своих интересах поступки и мысли послушного толстяка»[13].

Для того чтобы окончательно утвердить свою власть над герцогом Орлеанским, маркиза решила вскоре женить его на себе. Герцог Орлеанский, которого она фамильярно называла «толстым папашкой», естественно, не возражал. Он был, как пишет в своих мемуарах некий историк, «счастлив тем, что мог до конца своих дней обладать столь прекрасным телом, несмотря на свой огромный живот»[14].

Но Филипп, придя в ярость от того, что отец даже в мыслях мог допустить возможность подобного мезальянса, прямо заявил о своем несогласии с этим браком. Тогда госпожа де Монтессон, осведомленная о похотливости герцога Шартрского, решила убрать препятствие своему браку, введя в Пале-Рояль свою юную племянницу…

Эту бойкую двадцатилетнюю особу звали Стефани-Фелиситэ де Сент-Обен. Не так давно она стала женой одного королевского офицера, графа де Жанлиса…

В Пале-Рояль она была принята на службу в качестве фрейлины герцогини Шартрской.

Филипп был покорен ее грациозностью, очарованием и красотой. А также культурой и образованностью будущей писательницы. Он любил слушать, как она играла на арфе, посещал с ней библиотеку, согласился (несмотря на леность ума) изучать вместе с ней химию, физику, заниматься живописью, ботаникой и, в конце концов, покорив ее, без труда затащил в постель[15].

И тогда он увидел, что имеет дело с опытной женщиной, которая смогла найти прекрасный ответ на его чувства.

Будучи на два года старше Филиппа, Фелиситэ успела научиться тому, что некий автор красиво называет «искусством мелочей, которые доставляют большое удовольствие…».

Обладая богатой фантазией и изобретательным умом (именно ей однажды придет в голову идея преподавать физику с помощью «волшебного фонаря»), она, по словам современников, «превратила кровать в гимнастический помост». По правде говоря, позы, которые она принимала со своим любовником, были больше знакомы авторам «Камасутры», нежели инструкторам из Жуанвиля…

Проведя блестящую серию «приемов» и продемонстрировав несколько новых для Филиппа способов любви, в результате которых партнеры оказывались то под кроватью, то в ванной, то между креслами, госпожа де Жанлис перевела, наконец, любовника на паркет в позицию, которая известна лишь немногим знатокам и специалистам под названием «вьющаяся повилика». Филипп и не подозревал о существовании таких тонкостей в искусстве любви. Он запросил пощады, очень довольный тем, что нашел наконец женщину, которая ему вполне подходила.

С этого дня лидеры оппозиции могли вертеть обоими герцогами Орлеанского дома, как им только заблагорассудится…

В начале лета 1772 года Мария-Аделаида впала в черную меланхолию. Несмотря на усилия Филиппа, каждую ночь навещавшего ее и, как тогда говорили, «топтавшего любовное гнездышко голубки», ей никак не удавалось забеременеть.

Понимая, что и самые проверенные и надежные средства не лишены недостатков, она решила не рассчитывать только на мужа и стала готовиться к поездке на воды в Форж, славившиеся тем, что излечивали женщин от бесплодия.

Ежегодно тысячи жен европейской знати приезжали, чтобы окунуться в воды под насмешливыми взглядами скептиков. И некоторые из них действительно возвращались домой, имея в чреве наследников.

Но всем известно, что оплодотворение возможно только лишь при наличии мужа. Это обязательное условие, ставившееся врачами, было, понятно, предметом шуток, о содержании которых нетрудно догадаться. Тем более что источники, как правило, были окружены густыми зарослями, о которых говорили, что они, возможно, имели кое-какое отношение к таинству зачатия.

Когда лечение заканчивалось удачно, то есть когда женщина возвращалась домой в ожидании счастливого события, муж закатывал друзьям вечеринку и, как писал Фернан Ангеран, давал в газетах следующее объявление: «Жена господина президента из Гренобля получила в Форжлез-О удовлетворение стремлению стать матерью вопреки заключениям врачей».

Он, правда, не добавлял «без малейшего участия в том мужа». Но и так всем все было ясно…

Герцогиня Шартрская уехала в Форж 1 июля, захватив с собой на всякий случай одну интересную книгу, которая совсем недавно была издана, под многообещающим названием «Искусство производить мальчиков, или Новая картина семейной жизни». Автором ее был Д. Тиссо, доктор медицины, член Лондонского королевского общества, член Римского экономического общества и член Роттердамского общества экспериментальной физики.

Книга эта Марии-Аделаиде вряд ли могла быть полезной, поскольку в ней излагались несколько своеобразные мысли. Об их характере можно судить по отрывку из главы, посвященной «способу зачинать по желанию мальчиков или же девочек». Вот он:

«Нет, полагаю, на свете ни одного мужчины, который не знал бы того, что одно яичко у него больше другого.

У каждого мужского яичка есть свой канал, называемый семенным протоком, по которым семя проходит в одноименные семенные мешочки.

Семенные мешочки с одной стороны тела более вздуты, чем с другой.

Именно эти различия в одинаковых по виду органах навели меня на мысль о том, что предположения мои были правильными и что одно мужское яичко служит для производства детей мужского пола, а другое – детей женского пола. Подобным же образом дело обстоит и с женскими яичниками.

В свете этой гипотезы становится очевидным то, что можно легко производить на свет по выбору мальчиков или же девочек. Надо только удалить яичко или же яичник, “ответственный” за тот пол ребенка, который родителям нежелателен.

Я допускаю, что найдутся люди, которым будет тяжело добровольно пойти на это. Но для тех, кто не пожелает этим воспользоваться, можно будет найти другие средства, которые, правда не являясь столь же эффективными, будут менее болезненными. Я имею в виду одно такое средство, зависящее исключительно от женщины.

Для того чтобы оно сработало, следует помнить, что мужчина не может по своему желанию извергать семя, например, сначала из правых семенных мешочков или сначала из левых. Женщина же, напротив, может направить мужское семя к нужному ей яичнику. Для этого ей надо всего лишь принять определенный наклон тела в тот момент, когда она будет трудиться над тем, чтобы стать матерью. Мужское семя под действием собственного веса потечет в ту трубу, которая ведет к нужному яичнику.

Естественно, после прочтения этого возникает вопрос: в какую же сторону должна делать наклон женщина, которая хочет зачать девочку? Какой именно яичник, какое яичко служит для ее зачатия? Но дело все в том, что я и сам этого не знаю».

И этот милый доктор все же добавляет:

«Я провел уже несколько опытов со своей второй женой, поскольку одна у меня уже была. Так вот, с первой женой мы думали лишь о том, как бы нам заиметь ребенка вообще. Но всякий раз, трудясь над выполнением пожеланий второй жены, мечтавшей иметь мальчиков, я наклонял ее на левый бок. Поэтому ли или же по чистой случайности, но у меня родились три ребенка именно того пола, который она заказывала…»

И вот с этой любопытной книгой, которую она, очевидно, выучила наизусть, Мария-Аделаида в сопровождении госпожи де Жанлис 2 июля прибыла в Форж. Филиппа с ними, естественно, не было, и бедная Стефани, терзаемая своим неуемным темпераментом, провела на курорте несколько очень неприятных ночей. По утрам она вставала с горящими глазами и осунувшимся от бессонницы лицом и несколько часов ходила кругами по комнате, «поскольку в промежности у нее горел такой огонь желания, что сидеть на одном месте она не могла»[16].

Но вот 6 июля в Форж прибыл герцог Шартрский. Не теряя времени, он направился к госпоже де Жанлис. Любовники тут же улеглись в постель, доставив друг другу очень большое удовлетворение.

Филипп оставался со Стефани тринадцать дней, и некоторые историки утверждают, что эти две недели сыграли решающую роль в жизни герцога Шартрского и в истории Франции.

Очевидно, именно в этот период будущая писательница вбила в лежавшую на ее подушке голову Филиппа, как ему следовало вести себя в политике, и растолковала ему, кто был его врагом. Вот что писал об этом Жюльен Дарбуа:

«Госпожа де Жанлис, которой до всего было дело, даже до политики, пожелала и в делах руководить своим любовником так же, как делала это в постели. Находясь под влиянием своей тетки, госпожи де Монтессон, и питая симпатии к тем философам, которые подготавливали свержение режима, она бросила в хорошо подготовленную почву семена, из которых позднее взошли чертополохи неповиновения и колючки бунтарства. Госпожа де Жанлис, сознательно или же нет, была рупором тех членов парламента, которых Людовик XV отправил в ссылку и которые жаждали мести. С ее помощью эти господа смогли настроить герцога Шартрского против короля и поставить его во главе антимонархического движения. Проявив большую ловкость, она смогла за время их совместного пребывания в Форже внушить этому плохо воспитанному толстяку ее собственные мысли, идеи взбалмошной женщины. Как и большинство аристократов того времени, госпожа де Жанлис мечтала о революции. Она говорила: «Я полагаю, что это – самая занятная на свете штука…» Находясь под сильным влиянием этой сестры-масонки, последовательницы Руссо и энциклопедистов, герцог Шартрский пришел в конечном счете к мысли о том, что судьбой ему было предначертано изменить режим, разрушить трон, установить во Франции масонскую демократию и стать конституционным монархом, повязав живот маленьким фартучком… Именно на госпоже де Жанлис лежит вся ответственность за то, что Пале-Рояль и позднее замок Монсо стали центром оппозиции, за то, что Филипп, так презиравший народ, умножил свои демагогические поступки, за то, что он вел ожесточенную борьбу против Марии Антуанетты, за то, что он создал инцидент 19 ноября 1787 года, ускоривший созыв Генеральных штатов, и, наконец, за то, что он проголосовал за казнь Людовика XVI…»[17]

Таким образом, усвоив в перерывах между сеансами любви мысли, которым суждено было изменить его судьбу, Филипп 18 июля покинул Форж и отправился в Шантильи. Чуть не сойдя с ума от горя, Стефани уже на другой день написала ему:

«Вчера у меня было больше сил, нежели сегодня, поскольку вчера я видела Вас и мы были вместе. А теперь Вас нет со мной! И я больше не могу быть с Вами рядом, в Ваших объятиях… О, *дитя мое, сердце мое, для того, чтобы любить друг друга с такой страстью, чтобы целиком отдаваться ей, надо быть уверенным в том, что мы никогда не расстанемся*

более чем на два дня… Прощайте же, любовь моя! Кстати, который сейчас час? Вы это знаете? Какие мгновения Вам это напоминает?..»[18]

И тогда Филипп, так же сильно опечаленный, как и его любовница, сделал то, чего никак нельзя было ожидать от принца крови: татуировку.

Узнав, что ее имя под маленьким сердечком было выколото на руке герцога Шартрского, молодая женщина разразилась рыданиями. Тронутая таким знаком любви, она сразу же пожелала сделать то же самое, что и ее любовник. Взяв остро отточенный нож, она выбежала в сад, засучила рукава и, поскольку хотя и была темпераментна, но достаточно разумна, вырезала ножом имя Филиппа… на стволе дерева…

После чего написала своему любовнику:

«Ах, любовь моя! Я не могу любить по-настоящему, как любите Вы! Вы – единственный предмет всех моих чувств и всех моих помыслов… Я испытываю к Вам больше доверия, чем когда-либо могла внушить дружба… Повторяю Вам: у меня есть только одна мысль, одно единственное желание – это Вы, всегда Вы…»

А в этот самый момент Филипп рыдал, читая книгу, которую прислала ему его подружка.

«Ничто не доставляет мне большего наслаждения, чем это, *– писал он. – Перечитав ее еще раз, я снова плакал. О, любовь моя! Мое дорогое дитя! Нет никого нежнее и милее Вас…»*

В то время как госпожа де Жанлис надежно удерживала герцога Шартрского в своих цепких объятиях, госпожа де Монтессон продолжала прилагать усилия к тому, чтобы выйти замуж за герцога Орлеанского, и в апреле 1773 года добилась своего… Хотя свадьба эта по указу короля держалась в тайне, члены старого парламента были очень рады этому: им удалось окончательно привлечь на свою сторону Орлеанскую семью…

Летом следующего года этим господам пришлось, правда, пережить несколько тревожных моментов. Дело в том, что герцог Шартрский отказался жить в Пале-Рояле, где Мария-Аделаида, оплодотворенная водами Форжа, в ожидании рождения ребенка капризничала самым невыносимым образом по любому поводу. Доведенный до отчаяния поведением жены, герцог переселился в деревушку Муссо – или Монсо, – располагавшуюся неподалеку от селения Терн. Там, вдохновленный видом недавно разбитых садов дворца Тиволи, Филипп заказал архитектору Кармонтелю сооружение огромного парка с горными утесами, озерцами, коринфскими колоннами и даже с искусственной рекой.

В этом месте, которое впоследствии стало называться парком Монсо, молодой герцог вновь вернулся к своей разгульной жизни и стал принимать прекрасных подружек, которые вначале купались обнаженными, а затем отправлялись «поиграть в домино» в китайский грот…

Но члены старого парламента вскоре узнали, что Филипп, несмотря на эти проказы, тем не менее каждую ночь возвращался к своей дорогой Стефани, темперамент которой всегда доставлял ему столько наслаждения…

И тогда они вздохнули с явным облегчением.

6 октября 1773 года Мария-Аделаида произвела на свет толстого мальчугана, которого нарекли Луи-Филиппом и которому спустя пятьдесят семь лет суждено было стать королем Франции, популяризатором зонтиков и любимым героем карикатуристов.

Для того чтобы выразить свою радость, герцогиня нашла очень любопытный способ: она пригласила к себе Розу Бертен и заказала у нее «чувственный пуфик»[19], украшенный персо-

нажами, которым место было скорее в витрине какого-нибудь коллекционера, чем на головном уборе. Рассказывают, что там были изображены кормилица, бесстыдно кормящая грудью улыбавшегося младенца, негритенка, очень похожего на любимого слугу герцогини, и попугай, сидевший на вишневой ветке. Все эти изображения модистка поместила в середине пучка волос, принадлежавших членам Орлеанского дома…

А через несколько недель после рождения маленького Луи-Филиппа восхищенные прохожие на улицах Парижа могли лицезреть Марию-Аделаиду в этом великолепном головном уборе[20].

10 мая 1774 года Филипп по наущению госпожи де Жанлис отказался присутствовать на похоронах Людовика XV. Этот поступок способствовал росту его популярности среди мелкого люда, ненавидевшего умершего короля. Но одновременно из-за этого перед Филиппом захлопнулись двери Версальского дворца, поскольку в наказание за этот демарш Людовик XVI запретил членам Орлеанской семьи появляться при дворе.

Понимая, что это решение подтвердило его положение как противника режима, герцог Шартрский превратил Пале-Рояль в центр неповиновения королевской власти.

Каждую ночь он тщательно обсуждал с госпожой де Жанлис все новости за прошедший день, отыскивая любую возможность использовать в своих целях всеобщее недовольство властью.

Однажды из Версаля они получили необычную информацию: король, очень огорченный тем, что, наказав своего кузена, вызвал недовольство парижан, отправил в отставку Мопу, президента нового парламента. Этим шагом король надеялся понравиться сторонникам Филиппа и восстановить утерянную популярность.

Эта отставка, предвестница созыва старого парламента, воодушевила любовников. Ламуаньон де Мальзерб мог снова прийти к власти, и Орлеанский дом получал таким образом через посредство госпожи де Монтессон значительную поддержку.

– Вам следует стать обладателем какого-нибудь почетного титула, который бы нравился народу, – сказала госпожа де Жанлис. – Для того чтобы вернуть людям свободу, надо уметь пользоваться их симпатиями. Станьте великим полководцем.

Филипп терпеть не мог военные игры: та наивная радость, которую проявляли военные при мысли о том, что им предстояло убивать и гибнуть самим, казалась ему крайне неприличной.

Он поморщился.

– Ну, тогда станьте великим флотоводцем, – с присущей ей простотой заявила госпожа де Жанлис.

Это предложение понравилось герцогу Шартрскому гораздо больше. Зная, как выполнял свои обязанности командующего королевским флотом его тесть, он подумал, что заботы, которые были неизбежно связаны с выполнением обязанностей в этой должности, не должны были никоим образом изменить его образ жизни и что он сможет продолжать резвиться в Монсо со своими милыми подружками.

Следует сказать, что герцог де Пантьевр действительно выполнял свои обязанности великого адмирала весьма любопытным образом.

Сев случайно в лодку на переправе Сакле, он так напугался, что поклялся никогда больше не пускаться ни в какое плавание. И поэтому командовал королевским флотом, не выходя из своего кабинета. Все шутя говорили, что единственным островом, который видел в жизни этот горе-моряк, был Иль-де-Франс[21].

Этот необычный способ стоять у руля всего флота имел, однако, и некоторые неудобства. В разговоре великий адмирал не мог рассказать о морском бое, не допустив грубейших про-

машек: он, например, путал левый борт с правым, отплытие с абордажем, а большой фок – с полярным животным[22].

И вот, для того чтобы не казаться смешным, герцог де Пантьевр нашел довольно оригинальный выход. Он велел построить целую флотилию судов в миниатюре, которые были спущены на воду в канале его замка Рамбуйе. Сидя в кресле на берегу канала, он наблюдал за маневрами судов и вскоре благодаря этому выучил выражения, применявшиеся на флоте Его Величества. Через несколько недель он уже мог командовать судами самостоятельно и отличать корвет от фрегата.

– Приготовиться к повороту! Курс на «Бель Пуль»! – кричал он.

И тут же вооруженный шестом моряк перемещал кораблики…

За несколько часов таких занятий герцог смог приобщиться к секретам хождения под парусом. Иногда он требовал повторить для него какое-нибудь сражение, проведенное за несколько дней до этого королевским флотом. И тогда он командовал им с достойным восхищения хладнокровием, отдавая приказы открыть огонь корабельной артиллерии, идти на абордаж. Когда боевые действия заканчивались, он поздравлял с одержанной победой офицеров своего штаба и поднимался со своего кресла очень довольный.

– Опыт ничем нельзя заменить, – говорил он[23].

Последовав совету госпожи де Жанлис, Филипп решил поближе познакомиться с жизнью моряков и отправился на стажировку в Рошфор. Увы! Там он в 1778 году принял участие в битве против англичан на траверзе Уэссан и совершил такой промах, который сделал его объектом насмешек всего двора. Полностью разочарованный, он покинул флот и вернулся в Пале-Рояль, где Стефани посоветовала ему оставаться некоторое время в тени.

Тогда герцог Шартрский решил совершить путешествие по Европе с женой и любовницей. Это турне сопровождалось непрекращавшимися ежедневными скандалами.

Дело в том, что на каждой остановке на ночлег Филипп сначала ложился в постель с Марией-Аделаидой и доказывал ей, что двенадцать лет их супружества нисколько не охладили его чувств к ней. Затем он бегом устремлялся в постель к госпоже де Жанлис, где проявлял себя «самым обходительным и самым пылким партнером, о каком только могла мечтать женщина».

Случались ночи, когда Стефани, обуреваемая неуемным желанием, заставляла своего любовника совершать неслыханные постельные подвиги. «Будущий цареубийца, – писал Жильен Дарбуа в свойственном ему красочном стиле, – имел, к счастью, редкий темперамент. Удовлетворив любовницу, он оставался к бездействии в течение лишь короткого отрезка времени. Только лишь для того, чтобы перевести дух. Ласкового жеста партнерши ему вполне хватало для того, чтобы он вновь весь наполнялся желанием…»

Эти ежедневные подвиги ничуть не мешали герцогу искать дополнительные удовольствия в разных подозрительных местах. «Довольно часто, – говорит Жильен Дарбуа, – карета была готова к отъезду, чемоданы уложены, лошади в нетерпении били копытами о землю, а Филипп находился еще в постели какой-нибудь девицы, избавляясь от избытка мужской силы перед дорогой»[24].

Если верить Монгайару, память, которую он оставил о себе среди этих, как их тогда называли, «паломниц любви», не всегда была доброй.

«Его мерзкие выходки в Берне, – писал этот дипломат, – возмущали всех, даже принимавших участие в оргиях проституток; он иногда на пять дней запирался с ними в банном заведении под названием “Ла Матта” и предавался там тем излишествам и извращениям, которые только могло придумать это самое продажное сердце и самый развращенный на свете ум»[25].

По возвращении в Париж Филипп увенчал свое распутство тем, что превратил Пале-Рояль в огромный публичный дом…

Глава 2
Госпожа де Бюффон хочет, чтобы Филипп Орлеанский стал королем

Непомерное желание женщины может привести мир к катастрофе.
Сент-Бев

1 января 1781 года герцог Орлеанский, пригласив Филиппа в свой кабинет, в котором находилась и госпожа де Монтессон, объявил:

– Сын мой, настал день, когда по старому обычаю каждый должен делать подарки тем, кого он любит. В этом году я решил в качестве новогоднего подарка преподнести вам Пале-Рояль.

Герцог Шартрский был человеком высокого происхождения, прирожденным принцем. То, что вместо коробки шоколада он получил в подарок дворец, его нисколько не удивило. Вежливо поблагодарив, он, тем не менее, не посчитал нужным обнять и поцеловать своего папочку.

– Я делаю вам этот подарок по настоянию госпожи де Монтессон, – добавил герцог Орлеанский.

Филипп ненавидел свою мачеху. Он скорчил гримасу, которая должна была бы означать любезность, но не смогла скрыть его явного желания «укусить» жену отца. Это не ускользнуло от внимания герцога Орлеанского и несколько омрачило его радостное настроение.

– Полагаю, подарок этот вам нравится, – сказал он однако. – И что же вы намерены с ним сделать?

Филипп уже давно мечтал о том времени, когда Пале-Рояль будет принадлежать ему, и часто думал, что он сделает с дворцом. А посему ответил отцу не задумываясь:

– Я размещу в нем лавочников…

Герцог Орлеанский побледнел:

– Надеюсь, вы шутите!

– Нисколько. Я хочу построить по периметру сада галереи и по очень высокой цене продать торговцам право торговать в них своим товаром. Это позволит мне расплатиться с долгами и купить лошадей…

Герцог Орлеанский был вельможей слишком высокого происхождения, чтобы забирать назад то, что только что подарил. Поэтому он ограничился тем, что сунул себе в рот ладонь и сильно ее прикусил.

Что же касается госпожи де Монтессон, которая была виновницей назревавшего скандала, то она разразилась рыданиями, решив, что это была единственно возможная в этой сложной ситуации форма выразить свое осуждение.

Оставив отца с посиневшей ладонью и мачеху с залитым слезами лицом, Филипп, новый владелец построенного некогда Ришелье дворца, отправился сообщить эту радостную весть своим женщинам: Марии-Аделаиде и госпоже де Жанлис.

Слух о том, что герцог Шартрский намерен разместить торговцев внутри Пале-Рояля, вызвал возмущение простых парижан. В его адрес стали высказывать оскорбления, а Людовик XVI, довольный этой переменой симпатий народа и пожелавший этим воспользоваться, пригласил Филиппа в Версаль. При встрече король пошутил:

– Итак, кузен, – сказал он, – теперь, поскольку вы открываете лавочку, мы будем видеть вас только по воскресеньям…

Шутка эта мало задела привыкшего к насмешкам герцога Шартрского. Он продолжал строительство и на все критические замечания отвечал с юмором. В конце концов это привело к тому, что все насмешники приняли его сторону.

Как-то раз ему сказали:

– Вам ни за что не удастся закончить столь дорогое строительство…

– Не беспокойтесь насчет этого, – ответил он. – У меня достаточно строительного материала, поскольку каждый норовит бросить камень в мой огород…

И вот в июне 1782 года галереи Пале-Рояля были открыты для посетителей. Народ толпами хлынул взглянуть на них.

Под сводами галерей Филипп организовал всевозможные развлечения, и место это очень скоро стало «средоточием всех пороков». Туда пришли и расположились для «работы» сотни парижских проституток. Никто тогда не мог предположить, что придет время, и эти юные особы, столь вызывающе покачивавшие бедрами, прогуливаясь по аллеям сада, будут способствовать свержению монархии.

Таким образом, у Филиппа оказались под рукой очаровательные девицы, с которыми он мог проводить безумные ночи, едва только жена его и госпожа де Жанлис любезно отправлялись спать…

Рано утром он возвращался к Стефани, продолжавшей владеть его помыслами. Он дошел до того, что назначил ее «воспитателем» своих детей. Когда об этом стало известно, весь Париж покатывался со смеху, а злые языки распустили слух о том, что огромный герцог де Люин – почему бы и нет, теперь все возможно – будет скоро назначен кормилицей дофина…

По городу стали ходить язвительные стихи, повсюду распевали:

Сегодня недотрога вежливая,
Безумка или врачеватель,
Жанлис, учительница нежная,
Названье получила «воспитатель».
Да, женщина во всей красе
Собой распоряжается отменно:
Быть педантичной может, как и все,
И потаскухою одновременно…

Это было, мягко говоря, очень невежливо.

Госпожа де Жанлис к этим оскорблениям отнеслась с презрением и продолжала заниматься формированием мировоззрения Филиппа согласно «философским учениям». Она мечтала сделать из него народного героя и считала, что для достижения этой цели все средства хороши. В 1784 году, спустя восемь месяцев после первого полета – монгольфьера, она заставила своего любовника забраться в корзину воздушного шара братьев[26].

– Я рассчитываю долететь на нем до Орлеана, – просто сказал герцог многочисленной толпе, собравшейся в парке Сен-Клу для того, чтобы присутствовать при отлете воздушного шара.

Увы! С самого начала все пошло из рук вон плохо. При взлете Филипп сбросил весь балласт, в результате чего шар совершил гигантский прыжок на высоту 3000 метров. Филипп был вынужден проткнуть оболочку «Каролины» для того, чтобы опуститься вниз. Спуск был не менее головокружительным, приземление – резким и жестким, а испуг очевидцев всего этого – просто неописуемым.

Приземление состоялось вовсе не в Орлеане, а всего-навсего в Медонском парке, что очень позабавило обитателей Версальского дворца. На сей раз, рассердившись не на шутку, Филипп поклялся доказать двору, что с ним следует считаться…

Случай для этого представился весьма скоро.

Пока парламент продолжал подспудно вести борьбу против королевской власти, 19 ноября 1787 года Людовик XVI собрал парламентариев в большом зале Дворца правосудия для того, чтобы утвердить эдикт, позволявший ему объявить заем на 420 миллионов.

Герцог Орлеанский[27], приняв изрядную дозу вина для того, чтобы «этот напиток зажег ему кровь и породил в душе смелость и отвагу, которых природа не дала ему при рождении», находился во время заседания рядом с королем. Кто-то из друзей Филиппа спросил, будет ли королевский эдикт поставлен на голосование. На что Ламуаньон ответил:

– Если бы королю пришлось согласовывать свою волю с волей большинства, это означало бы, что закон этот утвержден именно большинством парламента, а не монархом, что противоречило бы основному закону нашего государства, которое является монархией, а не аристократией[28].

Сторонники Филиппа запротестовали и потребовали проведения голосования. Но в ответ на это король, поднявшись со своего кресла, сказал:

– Я повелеваю записать эдикт в Регистр решений моего парламента для того, чтобы его выполняли и по форме, и по сути.

Едва он сел, как поднялся герцог Орлеанский. В зале сразу же воцарилась тишина.

Филипп, голова которого была напичкана мыслями госпожи де Жанлис и затуманена винными парами, нахально посмотрел на Людовика XVI и воскликнул:

– Подобная регистрация противоречит закону!

Никогда до этого подобного рода высказывания не звучали в адрес короля Франции. Монарх был ошеломлен такой откровенной наглостью. Он пробормотал:

– Это законно, поскольку я так хочу!

Произнесенная властным тоном, эта фраза могла бы быть достойной короля, но Людовик XVI едва промямлил ее, а посему она была жалка.

Расстроенный, Людовик XVI прервал заседание и отбыл в Версаль. А Филипп в это время принимал овации парламентариев.

Это его выступление открыло дорогу Революции.

Госпожа де Жанлис ликовала…

На следующий день Филиппу передали приказ короля немедля отправляться в ссылку.

Прочитав рескрипт, предписывающий ему убыть в Вилле-Котрэ, он ужасно разозлился и высказал в адрес королевы, которую ненавидел, много непристойностей. Потом стал пинать ногами буфет, громко распевая похабную песню, сочиненную про Марию Антуанетту неким поэтом, находившимся на его содержании. Вот три ее куплета (на мотив песни про Мальбрука)[29]:

Мария Антуанетта,
Потаскуха, шлюха эта,
Мария Антуанетта,
В день привыкла, так сказать,
В королевскую кровать
Трех кавалеров приглашать.
Чтоб в загадки поиграть,
Потаскуха, шлюха, б…
Чтоб в загадки поиграть,

К Полиньяку отправляется,
А когда тот отлучается,
Она с кошкой развлекается[30].
Этой курице австрийской[31],
Потаскухе, шлюхе низкой,
Этой курице австрийской
Лучше б дома оказаться,
Чем мешком в петле болтаться
И бесстыжих глаз лишаться…

Отведя таким образом душу, Филипп велел уложить чемоданы, уселся в карету и вместе с Марией-Аделаидой отправился к своему новому месту жительства.

Путешествие было ужасным. Трясясь на ухабах, дрожа от холодного ноябрьского ветра, задувавшего в карету, ссыльный герцог с грустью думал об оставленных им в Париже двух женщинах.

С тех пор как госпожа де Жанлис, занятая воспитанием вверенных ей детей герцога, могла лишь урывками удовлетворять его желание, Филипп Орлеанский завел двух ее заместительниц.

Поскольку только две женщины могли равноценно заменить в постели пылкую графиню, новыми избранницами герцога стали госпожа де Бюффон и англичанка госпожа Эллиотт.

Первая из них, урожденная Франсуаза-Маргарита Бувье де Серуа, называвшаяся Агнессой, вышла замуж за графа Луи де Бюффона, сына великого естествоиспытателя. Муженек ее был настолько глуп, что Ривероль назвал его «самой плохой главой из истории естествознания, написанной его отцом». Агнесса очень быстро покинула этого дурачка и стала доставлять удовольствия всем мужчинам, которые ее об этом вежливо просили.

Филипп Орлеанский приобрел для нее небольшой домик на улице Бле, куда стал ежедневно наведываться после обеда для того, чтобы отвлечься от политики.

Второй избраннице, Грейс-Долраймпл Эллиотт, было, как и Агнессе, двадцать лет. Белокурая, элегантная, остроумная, она обладала, помимо всего прочего, пламенным темпераментом, который очень подходил герцогу. Бывая в Монсо, она по нескольку раз в день скреблась в дверь комнаты герцога и просила его погасить пламя, полыхавшее у нее в потаенных частях тела. Филипп в ответ немедленно приглашал ее на канапе, радуясь случаю доказать этой прекрасной островитянке, что он отнюдь не был неприступен, как скала…

Но предпочтение он отдавал все же госпоже де Бюффон. Словно влюбленный школяр, герцог посылал ей любовные записки и осыпал ее подарками.

«Вы нежны и хрупки, как роза, – писал он ей. – В одном из ящиков стола, за которым я работаю, лежит прядь Ваших белокурых волос. Ваше очарование ни с чем не сравнимо…»

Очарование этой молодой женщины и в самом деле было столь велико, что оно захватило даже Марию-Аделаиду. Гордясь тем, что ее распутный муженек будет лежать в постели с такой изящной особой, герцогиня на коленях благодарила за это небо. Однажды она написала Филиппу такое вот любопытное письмо:

«Признаюсь Вам, что, узнав о Вашей связи с ней, я впала было в отчаяние. Зная Вашу неуемную фантазию, я испугалась и глубоко опечалилась, увидев, что Вы вступили в связь, которая может лишить меня Вашего доброго расположения. Поведение госпожи де Бюффон с того момента, когда Вы с ней сошлись, заставило меня, однако, усомниться в том, что мне о ней рассказывали. Я увидела, что она питает к Вам такую искреннюю привязанность и абсолютно не преследует никаких материальных интересов; кроме того, она так хорошо относится ко мне. И поэтому я не могу не интересоваться ею. Невозможно, чтобы тот, кто Вас по-настоящему любит, не имел прав на мое расположение. А посему она это право действительно имеет…»

Какая восхитительная жена!

В Вилле-Котре Филипп настолько скучал по госпоже де Бюффон, что вскоре направил к ней барона де Безенвиля.

– Скажите ей, чтобы она каким угодно путем прибыла сюда!

Спустя несколько дней, несмотря на категорический запрет короля поддерживать какие-либо сношения со ссыльным, Агнесса выехала из Парижа и, укрываясь от снегопада, отправилась в Нантей, где Филипп назначил ей свидание. Любовники были так рады тому, что снова видят друг друга, что, не стесняясь присутствия сопровождавших их лиц, «стали ласкать друг друга жадными руками». После чего они устремились в одну из комнат и бросились на большую кровать. Полученное ими при этом удовольствие было, видно, очень большим. Настолько большим, что, как рассказывал позднее один из слуг, «до самой ночи в доме раздавались сладострастные стоны»…

В течение пяти последовавших за тем месяцев госпожа де Бюффон раз в неделю приезжала к ссыльному герцогу, привозя ему в подарок свое гибкое молодое тело.

Утолив жажду любви, влюбленные усаживались у огня и обсуждали происшедшие за неделю события. Госпожа де Бюффон, желавшая, чтобы ее возлюбленный начал играть большую роль в политической жизни страны, подталкивала Филиппа к активным действиям. Более честолюбивая, нежели госпожа де Жанлис, она хотела, чтобы он прогнал Людовика XVI с трона Франции и сам занял его. По наивности своей она, словно тщеславная простушка, уже видела себя в Версале… Как-то она сказала Филиппу:

– Марию Антуанетту ненавидят, король – непопулярен. Франции нужна сильная личность. Вы должны занять то место, которое вам уготовлено Судьбой. Подайте только знак, и за вас поднимется весь Париж. Вспомните, как вас приветствовали 19 ноября, когда вы выступили против короля! Царствовать должны вы, а не он…

В ответ Филипп покачал головой:

– Может быть, вы и правы. Но увы! Вы ведь видите, в каком я нахожусь положении. Королеву ненавидят, король – непопулярен, но они продолжают удерживать власть в своих руках. Стоило мне произнести лишь слово, как я тут же попал в немилость и был отправлен в ссылку…

Пессимизм Филиппа напугал госпожу де Бюффон.

– Надо бороться, – сказала она. – Для того чтобы прогнать с трона Бурбонов, надо поднять народ, всем сердцем поддерживающий Орлеанский дом. Начните финансировать манифестации толпы, и двор сойдет с ума от страха. Сейчас ходят разговоры о том, что в скором времени будут созваны Генеральные штаты. Воспользуйтесь же этим и покажите вашу силу[32].

Филипп пообещал, поскольку и сам мечтал о коронации в соборе Парижской Богоматери и возможности унизить Марию Антуанетту…

Из этого разговора, который донесли до нас многие историки и один автор мемуаров, ясно видно, какую роль играла Агнесса в жизни Филиппа Орлеанского. Некоторым хотелось бы представить белокурую графиню ничего не значившей женщиной, не склонной к интригам, лишенной всяческих амбиций. Но этот разговор позволяет разрешить все споры. Помимо всего прочего, и сам герцог довольно однозначно высказался по этому поводу в одном из писем, написанных в начале Революции:

«Я прошу Вас, – писал он своему корреспонденту, – ни в коем случае не показывать это письмо Агнессе, поскольку она исцарапает мне в кровь лицо, если узнает об этих моих сетованиях. Женщина эта – настоящая чертовка, она меня без конца подстегивает, и послушать ее, так я давно бы уже должен стать королем. Когда эти слабые создания вобьют себе в голову великие мысли, они становятся в сотню раз амбициозней, нежели мужчины. Их неспокойный характер не сдерживается зрелыми размышлениями, их пылкое воображение преодолевает все препятствия. Все падает перед ними ниц, а их тщеславие охватывает все королевство, как если бы это была какая-то игрушка. Им нравится только видеть, как исполняются их желания; для них желать значит действовать, действовать – добиваться. Действующие лица,

место, время, пространство – все это для них ничто. Вот, поистине счастлив был прусский король, умевший обходиться без них»[33].

В апреле 1788 года, после пяти месяцев ссылки, Филипп Орлеанский получил разрешение вернуться в Париж. Едва вернувшись в Пале-Рояль, он окружил себя надежными людьми и нанял в качестве «секретаря по особым поручениям» одного из самых дьявольских персонажей того времени – Пьера Шодерло де Лакло, такого же, как и сам герцог, масона и автора той самой книги «Опасные связи», которая за шесть лет до того вызвала большой скандал.

При поддержке этого полного амбиций человека Филипп стал подумывать о том, как бы ему сдержать обещание, данное прекрасной госпоже де Бюффон…

В начале августа 1788 года в государственной казне оставалось всего лишь 400 000 франков[34].

Поскольку нотабли не смогли договориться о системе нового налогообложения французов, которая не делала бы различия между представителями различных сословий, назрела необходимость созыва Генеральных штатов[35] для того, чтобы разрешить эту финансовую проблему. Ибо только это собрание представителей народа, не созывавшееся с 1614 года, могло утвердить новые территориальные субсидии и принять решение по поводу налоговой реформы, которая могла бы быстро пополнить опустевшую казну. 8 августа Бриен объявил дату созыва Генеральных штатов:

1 мая 1789 года.

Волнение, всегда царившее во Франции, сразу же значительно усилилось. Все стали лихорадочно готовиться к выборам депутатов, которые должны были начать заседания в Версале. Филипп Орлеанский понял, что наступил самый благоприятный момент для проведения широкомасштабного наступления на Людовика XVI. Он попросил Лакло подготовить ему текст, который мог бы послужить образцом для «тетради жалоб», куда, согласно заведенному обычаю, избиратели должны были записать свои требования и пожелания.

Лакло с заданием справился превосходно и некоторое время спустя вручил ему «настоящую бомбу, которой суждено было разрушить многовековую монархию».

Филипп был этим очень доволен. Он разослал этот текст по всей Франции. В тексте была, в частности, статья, в которой говорилось, что, «поскольку все беды нации приходят от единовластия короля, необходимо учредить Конституцию, которая определила бы права короля и права народа». Шестнадцать других статей касались реформы системы налогообложения, уничтожения привилегий, вопросов религии и т. д.

Все эти статьи, излагавшие тактику Революции и которым суждено было однажды быть названными «принципами 1789 года», были вписаны в большинство «тетрадей жалоб»[36].

Обрадованный первым успехом, Филипп, по-прежнему подстрекаемый госпожой де Бюффон, мечтавшей более чем когда-либо о том, чтобы переселиться в Версаль, добился избрания депутатом от дворянства в маленьком округе Крепи-ан-Валуа. Этот демагогический жест еще более увеличил его популярность. Затем в голову ему пришла мысль нанять армию провокаторов, «способную поднять в Париже такую смуту и посеять такую панику, что парижане будут вынуждены, во имя их же собственной безопасности, начать восстание»[37].

Эта банда громил первое свое боевое крещение получила в Сент-Антуанском предместье 27 апреля 1789 года, когда они распространили среди рабочих мануфактуры по изготовлению цветной бумаги, принадлежавшей некоему Ревельону, лживый слух об их хозяине, якобы заявившем, что человек вполне может прожить на пятнадцать су в день. В то время положение людей было настолько отчаянным, что подобные высказывания были встречены «взрывом негодования».

Не удосужившись даже проверить истинность переданных им слов, рабочие, испытывавшие невероятные трудности с продовольствием в те голодные времена[38], стали требовать расправы над хозяином.

– Убить его! Забить как собаку! Сжечь его дом!

Тогда наемники Филиппа направили гнев рабочих на разрушение фабрики. Квартира Ревельона была разграблена, мебель сожжена. На восстановление порядка был брошен полк королевских войск, галопом примчавшийся к месту происшествия. Его встретили камнями, топорами, пистолетными выстрелами, и стычка вылилась в настоящую битву. Вечером начальнику полиции Парижа доложили о том, что на улицах было обнаружено 130 убитых и 350 раненых…

Этот первый бунт возбудил умы и впервые дал парижанам возможность «почувствовать вкус крови». Утром следующего дня в Сент-Антуанском предместье рабочие, всегда жившие мирно, стали носить на носилках тела своих погибших товарищей и говорить:

– Эти люди хотели защитить родину, надо отомстить за них!

И, как писал Жуанар, «у людей сжимались кулаки…». В Пале-Рояле Филипп, Лакло и госпожа де Бюффон могли радоваться.

Революция началась…

5 мая в бывшем зале «Малых забав» Версальского дворца состоялась церемония открытия

Генеральных штатов. Присутствовавший на заседании Филипп сидел вовсе не там, где ему было положено как принцу крови, то есть рядом с королем. Он демонстративно сел среди дворян, придерживавшихся передовых взглядов.

На следующий день он с удовлетворением увидел, что Генеральным штатам суждено было окончательно расколоть королевство. Когда стали проверять полномочия депутатов, между «третьим сословием» и дворянством разгорелся конфликт по вопросу, будет ли голосование проходить персонально или сословиями. Это был ключевой вопрос, поскольку при голосовании сословиями дворянство и духовенство оказывались в большинстве; если же голосование проводить персонально, большинство было бы гарантировано депутатам «третьего сословия», которых было больше, чем депутатов от первых двух сословий, вместе взятых (соответственно 584 против 561).

В течение шести недель шли дебаты, не приведшие ни к какому соглашению. 17 июня по предложению аббата Сиейеса раздраженное «третье сословие», полагая, что именно оно представляло интересы девяноста шести процентов нации, провозгласило себя Национальным собранием.

21 июня после принятия присяги в «Зале для игры в мяч» большая часть духовенства присоединилась к «третьему сословию».

Для того чтобы восстановить статус-кво трех сословий, Людовик XVI был вынужден приказать дворянским депутатам присоединиться к Национальному собранию, которое, немедленно провозгласив себя Учредительным собранием, решило приступить к разработке Конституции…

Филипп и госпожа де Бюффон отпраздновали начало этой смуты.

– Теперь, – сказала очаровательная молодая женщина, – надо, чтобы восстал весь народ и заставил короля отречься от престола.

Герцог Орлеанский немедленно принял надлежащие меры. Вот что писал Монжуа:

«Для того чтобы то, что происходило в столице, в тот же день повторялось по всей Франции, он рассылал во все концы страны надежных людей, которые информировали заговорщи-

ков в провинции о том, какие события должны были произойти в Париже, а также о времени их проведения.

А для Парижа он придумал один необычный и довольно хитроумный способ подавать сигнал к выступлениям. Он велел построить фонтаны на некотором удалении друг от друга вокруг этого унылого здания, которое мы и поныне можем видеть посреди сада, носящего одинаковое название с дворцом. Заводилы, которым он дал поручение поднимать народ и которые получали приказы от него лично, должны были внимательно следить за этими фонтанами. Если начинал бить один из фонтанов, он указывал, какой из кварталов Парижа следовало поднимать. Если вода начинала бить из всех фонтанов одной стороны, это означало, что начинать действовать должна была вся северная или южная часть Парижа. Если же вода била из всех фонтанов одновременно, это был сигнал ко всеобщему выступлению. С помощью этого средства Филипп мог передавать свои приказы в мгновение ока; и они выполнялись в течение часа. Он был, помимо всего прочего, избавлен от необходимости лично встречаться со своими помощниками и избегал всех опасностей, связанных с перепиской»[39].

В то же самое время Филипп продолжал всячески поносить Марию Антуанетту. Каждый день получавшие от него деньги газетчики публиковали песенки, памфлеты и грязные пасквили на несчастную королеву. Эта перехватывающая через край «литература» приносила свои плоды, и каждый с удовольствием добавлял к этим «произведениям» что-нибудь от себя. Это подтверждается следующей историей, которую донес до нас Себастьян Мерсье: «В то время на фасадах многих городских зданий можно было прочесть четыре буквы M. A. C. L., что означало “дом застрахован от пожара”. Но некий хитроумный обыватель умудрился расшифровать эти буквы так: “Мария Антуанетта изменяет Людовику”»[40].

Эта смешная надпись, добавляет Себастьян Мерсье, нанесла наибольший ущерб престижу короля, от которого судьба отвернулась настолько, что даже в толковании нескольких букв находилось средство для нападок на него.

На стенах домов очень часто можно было встретить двустишье, написанное в виде пародии в стиле Вольтера:

«Рога – это совсем не то, что все простолюдины представляют:
Всех наших распрекрасных королей рога, а не короны, украшают»[41].

Приведенный в возбуждение кучкой нанятых Филиппом Орлеанским провокаторов, простой парижский люд пребывал с начала июля в том состоянии нервозности, которое не предвещало для власти ничего хорошего. 12 июля были сожжены бумаги, где оговаривались новые границы округов для откупщиков; 13 июля толпа отправилась громить склады с целью завладеть старинным оружием. И наконец, 14 июля кучка горлопанов захватила Бастилию.

Филипп в это время обедал в своем имении в Монсо в компании госпожи Эллиотт, господ Байи и Лафайета, когда прибыл гонец с сообщением о том, что старинная королевская тюрьма, которую Людовик XVI давно собирался снести, была штурмом взята народом[42]. Гости немедленно покинули Филиппа, чтобы отправиться за новостями. Оставшись один, он послал за госпожой де Бюффон.

А для того чтобы отметить эту новую победу, они поднялись в покои Филиппа, спешно разделись, легли в постель и стали сладострастно поздравлять друг друга аж до самого рассвета.

И, как заметил некий историк, «первый салют в честь 14 июля был произведен на территории госпожи де Бюффон…»

Глава 3
Революция начинается с оргии

В любом деле необходимо предвидеть конец.
Народная мудрость

«Патриотическая» пропаганда Филиппа Орлеанского и его друзей не замедлила принести свои плоды.

В сентябре Париж, где испытывался острый недостаток хлеба, сотрясали ежедневные бунты и волнения. Нехватка хлеба объяснялась тем, что в 1788 году необычайной силы ураган с градом уничтожил часть посевов зерновых от берегов реки Шарант до берегов реки Эско. Поэтому-то мука и стала редким продуктом питания.

И при этой нехватке Людовик XVI совершил серьезную ошибку, закатив 1 октября ужин в честь офицеров Фландрского полка. На ужине появилась и Мария Антуанетта с дофином на руках. Когда все пили шампанское, оркестр играл: «О, Ричард, о, король мой, мир отвернулся от тебя…»

Удивительно пророческая песня…

Банкет этот вызвал взрыв негодования мелкого люда, а друзья герцога Орлеанского не замедлили воспользоваться этим промахом короля, чтобы вызвать всеобщее возмущение и настроить народ против двора.

Подкупая продажных, объединяя недовольных, они тщательно подготавливали «внезапную реакцию народа». Для этого им хватило четырех дней. И вот 5 октября возбужденная толпа под руководством отставного сержанта Майара вышла из Парижа и направилась в Версаль.

Долгое время считалось, что это были бедные парижанки, детям которых нечего было есть, что люди эти отправились к королю требовать хлеба. На самом же деле сегодня нам уже известно, что из восьми тысяч женщин, которых возглавлял Майар, было много ряженых. Это были провокаторы, нанятые герцогом Орлеанским. Их можно было «легко опознать по грубым мужским голосам, по плохо выбритым лицам и неумело напудренным щекам, по плохо сидевшим платьям, из-под которых у некоторых из них виднелась волосатая грудь»[43].

К этим лжедомохозяйкам усилиями друзей Филиппа Эгалите[44] присоединились более трех тысяч проституток из парижских предместий и проституток, населявших галереи Пале-Рояля.

В орлеанской партии были сообразительные люди. Они не без основания решили, что наличие проституток, как элемента боевого порядка толпы, сможет внести беспорядок в ряды французских и иностранных воинских частей, охранявших королевский дворец.

Разгневанное шествие двигалось по дороге на Версаль, выкрикивая ругательства и оскорбления в адрес короля. Над толпой стоял непрерывный гул голосов. Можно было услышать отдельные возгласы:

– Дайте хлеба или потроха королевы!

– Свернем шею этой потаскухе! Смерть ей!

В каждой деревне вакханки, бросив выкрашенные в красный цвет пушки, разбивали витрины, грабили винные погреба и опустошали бутылки…

Обыватели, спрятавшись за закрытыми ставнями домов, с беспокойством спрашивали друг друга:

– Что это за пьяные бабы? Откуда у них пушки? Кто же это руководит ими?

Одни думали, что за всем этим стоят некоторые депутаты парламента. Другие утверждали, что это торговцы мукой, создав беспорядки, хотят таким образом нажиться. Но никому и в голову не могло прийти, что эта ревущая толпа могла быть подкуплена принцем крови и что она была предвестницей Революции.

Когда толпа приблизилась к дворцу и Майар затянул знаменитую песню «Да здравствует Генрих IV», стало заметно, что многие из поющих были сильно пьяны…

Девицы из Пале-Рояля, не теряя времени, занялись тем делом, ради которого их и наняли. Приставая к солдатам Фландрского полка, они стали отдаваться им под сенью деревьев среди пустых бутылок и пропитанных салом обрывков бумаги. Аллеи, которые вели к дворцу, стали похожи на ярмарку. Там пили, горланили песни, без всякого стыда занимались любовью…

Вечером Людовик XVI принял в зале Совета делегацию из пяти женщин. Луизон Шабри, совсем юная работница, которая должна была говорить, настолько смутилась при виде короля, что невнятно прошептала:

– Хлеба…

И упала в обморок.

Когда она пришла в себя, Людовик XVI вежливо сказал:

– Бедные мои женщины, у меня в карманах хлеба нет. Но вы можете пойти в кладовую, и там вы найдете что-нибудь из съестного. Запасы там не столь велики, как было раньше, но возьмите все то, что найдете…

Затем сообщил им, что уже дал указание привезти в Париж зерно из Санлиса, и поцеловал Луизон.

Пятеро женщин, очень довольные результатом переговоров, покинули дворец.

– Да здравствует наш добрый король, – воскликнули они. – Завтра у нас будет хлеб.

Мегеры и потаскухи, придя в ярость от того, какой оборот грозили принять события, обвинили Луизон и ее спутниц в том, что они продались королю. Избивая и осыпая оскорблениями, их поволокли к фонарям, чтобы вздернуть за предательство интересов народа. Стоявшему на посту возле решетки офицеру с трудом удалось вырвать их из рук толпы, когда им уже надели на шею подвязки для чулок.

А пока мегеры продолжали вопить у дворца, Майар собрал самых симпатичных проституток, чтобы повести их в Учредительное собрание. Таких набралось с сотню, и к ним, по несчастью, присоединились несколько торговок.

Прибытие этого женского отряда в зал, где проходило заседание, привело депутатов в неописуемое смятение.

– Постойте, ребятки, – обратились к ним девицы, – сейчас мы займемся с вами любовью!

Председатель заседания, увидев, как эти, в большинстве своем пьяные, проститутки устроились на скамьях, стали блевать, дразнить представителей народа, немедленно ретировался из зала.

И тут же некая женщина по имени Ландель уселась на его место и, тряся колокольчиком, закричала:

– Подходите, подходите сюда, избранники народа! Я дам вам слово!

Несколько возмущенных депутатов покинули зал. Другие же, уйти которым не давали усевшиеся им на колени, обнимавшие их и дарившие им тысячи «непристойных ласк» девицы, были вынуждены остаться в зале.

Буквально на каждой скамье развернулись эротично-бурлескные сцены. Проститутки, задирая юбки, стали показывать всем и каждому источник своих доходов и существования. Этим они, естественно, вызвали большое оживление и смущение депутатов…

Вскоре те, в чьих жилах текла горячая кровь, дали себя соблазнить… За ними капитулировали все остальные… И за два часа зал заседаний Учредительного собрания был превращен в большой «крольчатник».

После этой оргии каждый представитель народа возвращался к месту своего проживания в сопровождении одной или нескольких потаскух; рассказывали, что самая разнузданная вакханалия имела место в некоем банном заведении…

В конечном счете все депутаты остались довольны этой любовной интермедией. Все, кроме одного, который боялся женщин и в свои тридцать один год был столь же невинен, как и при рождении. Звали его Максимилиан Робеспьер.

Бедняга этот был поначалу в крайне затруднительном положении, особенно когда одна из девиц нахально уселась к нему на колени. Опасаясь того, что он не сможет сделать все, что от него требовалось, он ограничился тем, что стал вести с ней разговор о политике и комментировать события прошедшего дня. Вечером он все-таки немного развеселился и впустил ее в свою комнату, где и потерял – как и кое-что другое – свою застенчивость.

На следующее утро старухи, торговки и проститутки снова собрались перед дворцом. Вооружившись пиками, палками и дубинками, они выкрикивали:

– Смерть им! Отрубить голову королеве, отбить ей печенку!

Некоторые предлагали сделать кокарды из кишок «этой чертовой шлюхи».

В десять часов утра на балконе появился король. Он объявил, что дает согласие на то, чтобы переехать в Париж, где отныне и будет его постоянная резиденция…

Толпа громкими криками выразила радость по поводу своей победы, а Людовик XVI понуро вернулся в свои апартаменты. Империя, существовавшая в течение тринадцати веков, рушилась…

Спустя два часа монархи в окружении растрепанных горлопанок направились в столицу.

Это двигалась на Париж Революция…

Перед королевской каретой женщины несли на остриях пик головы двух стражников, зарезанных утром. А позади шествия ехала карета, в которой сидел, вжавшись в стенку, человек, с ненавистью смотревший на эту бесновавшуюся чернь, оскорблявшую самое любимое им существо на свете. Это был Ферсан.

Сжимая в руке эфес шпаги, он готов был броситься в толпу и отдать жизнь за Марию Антуанетту…

При въезде в Париж толпы народа приветствовали «булочника, булочницу и подмастерье булочника». Но друзья Филиппа Орлеанского в нескольких местах по пути следования королевской кареты организовали достойные сожаления инциденты. В Отейле какие-то бродяги оплевали карету, в Шайо рабочий-булочник стал бросать в лошадей гнилые фрукты, а на улице Сент-Оноре одна проститутка, задрав юбки, продемонстрировала шокированной королевской чете свой зад…

Вечером того же дня некоторые члены Учредительного собрания с восторгом обсуждали эти события…

Они, конечно, несколько поумерили бы свою радость, если бы знали, что почти все депутаты были заражены «дурной болезнью», которой щедро наградили их девицы сержанта Майара…

Глава 4
Теруань де Мерикур – Мессалина[13] Революции

В некоторые моменты ее истерия имела гражданскую направленность.
Ш. Непьян

Пока Учредительное собрание продолжало свою работу, а аристократия, последовав примеру графа д'Артуа, начала перебираться за границу, гнев народный, ловко используемый и умело направляемый, вырос до устрашающих размеров. Стали слышаться требования казнить королевскую семью, перевешать на фонарях всех дворян и снести головы церковникам…

Франция была охвачена неуемной жаждой убийства. Кто-то из депутатов даже воскликнул однажды:

– Я считаю настоящими патриотами только тех, кто, как и я, в состоянии выпить стакан крови врага!

Это был поистине неожиданный критерий оценки патриотических чувств…

Следует сказать, что среди простых негодующих людей в толпе постоянно сновали крайне подозрительные лица, прибывавшие из провинции или из-за границы в надежде поживиться награбленным[46]. Среди них особенно много было крайне опущенных женщин.

Именно женщины были главными виновницами всех тех жестокостей, которые были совершены во времена Французской революции. Без их участия тот переворот, встряхнувший всю страну, не был бы столь кровавым. Без их участия не было бы Террора. Без них, возможно, не был бы отправлен на гильотину Людовик XVI…

Вот, кстати, какого мнения об их роли в Революции был один из членов Конвента Филипп Дрюль:

«Когда меч правосудия отсекает голову приговоренного к смерти, радоваться этому может только аморальное и злое существо.

К чести моего пола, следует сказать, что если такое кровожадное чувство в ком-то и было отмечено, то только в женщинах; в большинстве своем они более мужчин жаждут этих кровавых зрелищ; без содроганий они наблюдают за действием этого современного орудия смерти, одно только описание которого вызвало у депутатов Учредительного собрания крик ужаса и Собрание даже не пожелало дослушать это до конца. Но это было собрание мужчин, а женщины в сотни раз более жестоки».

И далее он добавляет:

«Было замечено, что во всех народных волнениях именно женщины выделяются самыми страшными требованиями либо потому что мщение, эта характерная черта слабых душ, более мила их сердцам, либо потому, что они считают, что могут безнаказанно чинить зло, и поэтому с радостью пользуются случаем покончить с этой слабостью и наконец-то почувствовать, что от них зависит чья-либо судьба. Кроме того, следует понимать, что это ни в коей мере не относится к тем женщинам, в которых, благодаря воспитанию и природной мудрости, сохранился кроткий нрав, являющийся их самым прекрасным достоянием. Я говорю лишь о тех женщинах, которые никогда не знали добродетели, присущей их полу, и которых можно найти лишь в больших городах, являющихся зловонной ямой всех пороков»[47].

Филипп Дрюль был прав. Женщины, которые визжали, требуя расправы, украшали чепцы и колпаки кокардами, стегали кнутами верующих, волокли за собой пушки или же горланили непристойные песни, конечно же, не были дамами из приличного общества.

Большинство из них, как мы уже знаем, были проститутками из Пале-Рояля.

Эти гарпии, которым суждено было однажды стать теми известными «вязальщицами»[48], были лишены работы известным королевским указом о проституции. А посему они искали средства к существованию в политике, поскольку профессия прокормить их больше не могла.

Некоторым из них было поручено раздавать деньги французским гвардейцам для того, чтобы те присоединялись к народу. Другие, более привлекательные на вид, платили натурой… По всему Парижу бывшие проститутки с пистолетами за поясом бесплатно отдавались солдатам за народное дело.

Июньским вечером близ селения Руль группа таких пламенных патриоток повстречалась с отрядом кавалерии.

– Остановитесь! – воскликнула самая горластая из женщин. – Кричите: «Смерть королю!»

Всадники, не принадлежавшие к сторонникам Революции, попытались продолжить движение. Тогда женщины окружили их и, задрав юбки, «выставили напоказ самые потаенные свои достоинства».

Всадники попридержали коней.

– Граждане, все это вы получите бесплатно, если прокричите с нами «Смерть королю!»

На сей раз кавалеристы остановились и принялись внимательно разглядывать то, что им демонстрировали.

Некая семнадцатилетняя блондинка, видя их нерешительность, исполнила на обочине такой бесстыдный танец, который мог зажечь не только всадников, но даже их жеребцов…

«Она обнажила свои груди, – писал один автор мемуаров, – и держала их на ладонях, одновременно виляя задом из стороны в сторону, словно утка гузкой. И тогда несколько потаскух приблизились к ней и задрали ей юбки, открыв взору кавалеристов, у которых уже закипала кровь, самое прекрасное в мире тело»[49].

– Если вы желаете отведать это, – сказали женщины, – кричите: «Смерть королю!»

Мужчины в военной форме перевели взгляд на своего командира, который с вылезшими из орбит глазами ломал голову над вопросом, были ли у него лично серьезные основания оставаться роялистом. Зрелище, открывшееся его взору, конечно, мешало ему найти достаточные для этого основания. Но ради приличия он решил немного повременить. Тогда юная потаскуха «сделала рукой непотребные жесты»… Действие они произвели мгновенное: лицо командира отряда кавалерии стало фиолетовым. Пересохшим от огромного желания голосом он сдавленно выкрикнул:

– Смерть королю!

Затем, соскочив с коня, он устремился к этой белокурой гражданке, которая и выдала ему в соседней канаве обещанную награду. Остальные военные тут же выстроились в очередь у канавы. Каждый из них поочередно кричал «Смерть королю!» перед тем, как отдать горячие воинские почести этой молодой особе с обнаженной грудью.

Когда все полакомились прелестями блондинки и решили продолжить путь, «распутницы», возбужденные увиденным зрелищем, стали удерживать их.

– Если вы не хотите, чтобы мы ославили вас, как непатриотов, вы, голубчики, должны доказать каждой из нас свою преданность делу Революции…

И кавалеристам пришлось удовлетворить их всех. А сделать это было, конечно, не так просто. Большинство мужчин, которых естество подвело уже после четвертого чествования, вынуждены были подождать под кустами нового прилива сил.

– Вот так патриоты ср…е! – кричали очаровательные дамы.

В конце концов каждая все-таки получила причитавшуюся ей порцию удовольствий, а с честью выдержавшие испытание военные назначили им свидания…

Так целый отряд королевских войск примкнул к Революции.

Все эти сторонницы Республики, естественно, мечтали не только об одних ранах да синяках. Вот, кстати, отрывок из «Молитвы к Беллоне», которую женщины произносили хором:

«…И мы умеем биться и побеждать. Мы умеем обращаться не только с иголкой и веретеном, но и с другим оружием. О, Беллона, подруга Марса! Не следует ли всем женщинам по твоему примеру идти в ногу с мужчинами? Богиня силы, дай же нам мужество. Тебе никогда не придется краснеть за француженок…»

Эти «красные амазонки» заставляли трепетать всех, даже депутатов. Вот что отмечал граф де Воблан:

«Я ни разу не мог попасть в Собрание, не пройдя мимо одной женщины, лицо которой, перекошенное припадком патриотизма, просто пугало меня. Сия фурия всякий раз называла меня по имени и заявляла мне, что скоро она отведает моей крови»[50].

Какое восхитительное и нежное создание!..

Среди этого стада вопящих «бредовых» патриоток встречались и женщины, которым суждено было выделиться чем-то и оставить для истории свои имена.

Самая известная из таких женщин, Теруань де Мерикур, была не просто патриоткой, она была вдобавок к этому истеричкой…

И именно это качество прославило ее…

Эту пылкую особу, родившуюся в маленькой деревушке в Люксембурге, на самом деле звали Анной-Жозефой из Тервани[51].

До того как она начала играть определенную роль в политической жизни Франции, будущая амазонка вела полное любовных приключений и довольно неплохо устроенное существование женщины, находившейся на содержании.

Все началось для нее в тот день, когда она стирала белье в реке Мез, напевая при этом какую-то песенку. Молодой англичанин, лорд Спинстер, проезжавший по находившемуся неподалеку мосту, увидев, что корсаж юной щебетуньи был призывно распахнут, приблизился к ней и произнес несколько любезностей с явным намеком.

Девушка отнюдь не была дикаркой. Узнав, с кем имеет дело, она тут же забросила белье и уехала с англичанином. Сначала в Спа, потом в Лондон, где стала брать уроки пения и музыки.

В Англии она с любовником часто принимала участие в самых разнузданных оргиях. Это навсегда лишило ее душевного равновесия. Представление о том, что это были за праздники сладострастия, можно получить, ознакомившись с этим, не самым красочным отрывком из книги «Серали Лондона, или Ночные развлечения». Неизвестный автор ее рассказывает об одном таком сборище, организованном у Шарлотты Эйе, содержательницы гостеприимного дома, куда Теруань довольно часто наведывалась.

«На этом празднике разврата присутствовали двадцать особ, представлявших высшую знать, баронеты, а также пятеро членов палаты общин.

Праздник начался, когда на часах еще не было семи. Госпожа Эйе наняла на вечер двенадцать наиболее атлетически сложенных молодых людей, которых ей удалось отыскать в городе. Некоторые из них работали натурщиками в Королевской Академии художеств. Да и все остальные имели все необходимые для этого вечера достоинства. На полу был разостлан большой красивый ковер, сцена была обставлена предметами меблировки, необходимыми для того, чтобы актерам и актрисам, поклонявшимся Венере, можно было принимать на них позиции согласно системе Аретена.

После того как мужчины показали партнершам свою мужскую силу на ровном полу, они приступили к исполнению своих ролей и с большим удовольствием выполнили все фазы указанного ритуала, ко всеобщему удовольствию похотливо наблюдавших эти сцены зрителей. Воображение некоторых из них настолько разыгралось, что они, не дожидаясь окончания спек-

такля, поспешили исполнить свой тур в части этого “кипрского” праздника, который длился более двух часов и заслужил горячие аплодисменты всех, кто на нем присутствовал.

Госпожа Эйе так хорошо руководила своей труппой, что все до одного маневры были выполнены чрезвычайно точно и с большим умением.

По окончании спектакля были поданы прекрасные напитки и проведен по подписке сбор средств в пользу актеров и актрис, которые так превосходно сыграли свои роли.

Затем актеры удалились, а актрисы остались. Некоторые из них повторили с добровольцами из зрителей те партии, которые они столь умело исполняли.

Перед расставанием гостям подали шампанского. Подарки, которые зрители стали делать актрисам, и веселость последних сделали атмосферу праздника еще более непринужденной»[52].

И такие приятные развлечения повторялись каждую ночь…

Однажды Теруань со своим любовником стали свидетелями довольно любопытной сцены. Надо сказать, что двери гостеприимного дома госпожи Эйе всегда были открыты. И вот однажды какой-то подвыпивший прохожий проник, никем не замеченный, в комнату, где некий мистер О’Тандер и красотка леди Ловитт на софе страстно предавались любовным забавам.

Увидев, как в комнату вошел неизвестный, любовники необычайно удивились и с негодованием уставились на него, понуждая убраться. А пьяный гуляка с улыбкой на лице уселся на стул, подпер ладонью подбородок и с интересом стал разглядывать эту влюбленную парочку.

– Продолжайте, продолжайте, – заплетающимся языком пробормотал он.

«Мистер О’Тандер, – писал автор “Сералей Лондона”,– поначалу так смутился, что не знал, что и сказать». Но потом, приподнявшись на локтях, воскликнул:

– Очень нагло с вашей стороны прерывать подобным образом занятия уединившихся людей!

Затем, оставив обнаженную леди на софе, схватил пьянчужку за шиворот и «начал кулаком вправлять ему мозги».

Истошные вопли перепуганного пьянчужки переполошили все находившиеся в доме парочки. Решив, что начался пожар, эти парочки стали выскакивать из комнат и сбегать по лестнице, совершенно не подумав о том, что неплохо было бы и одеться…

Некоторое время спустя Теруань пожелала побывать во Франции. Спинстер привез ее в Париж, где любовники стали вступать, если можно так выразиться, в многочисленные контакты с «миром разврата и разгула…» Однажды ночью на одной из оргий молодая женщина встретила шевалье Дубле, маркиза де Персан, и стала его любовницей.

С тех пор, находясь на содержании двух мужчин одновременно, Теруань сняла дом, наняла прислугу, купила экипаж, меха и стала называть себя госпожой Кампинадос. В 1785 году она завела себе третьего любовника. Им стал тенор Джакомо Давид. Однажды она чуть было не поехала с ним на гастроли в Италию, но певец, едва не потерявший голос после необычайно бурной ночи, тут же стремительно укатил из Франции в гордом одиночестве, вырвавшись из страстных объятий молодой люксембуржки.

Разочарованная Теруань вернулась со Спинстером в Англию, где снова с головой окунулась в ночные развлечения. Как-то раз за одну ночь ей удалось «измочалить десять мужчин, отобранных среди самых сильных в половом отношении жителей английской столицы, а потом прибегнуть к услугам некоей дамы, у которой, как утверждали, был хорошо подвешенный язык».

Этот неуемный темперамент украшал лондонские вечеринки на протяжении двух лет.

В 1786 году Теруань, очень любившая музыку, стала любовницей тенора Тендуччи, по которому в то время сходили с ума все женщины Европы.

Этот певец имел голос гораздо более сильный, чем у Джакомо Давида. Однако же, опасаясь за свое горло, после каждого «любовного дуэта» он тут же покидал постель и исполнял

несколько рулад для тренировки горла. Убедившись в том, что с голосовыми связками все в порядке, он снова ложился в постель, где его ожидала Теруань с горящими глазами и страстным ртом.

После нескольких изнурительных ночей любовники уехали в Италию, где Анна-Жозефа вскоре стала любовницей одного банкира.

Тендуччи, который к тому времени напоминал свою тень, был безумно рад тому, что нашелся подходящий повод бросить эту «огненную самку». Скрывшись в Генуе, он без труда набрал свой первоначальный вес.

Предоставленная самой себе, Теруань, как говорится, «пошла по рукам». Кончилось тем, что как-то ночью, устав от постоянных поисков удовольствий, она попала в объятия некоего незнакомца, который «подпортил ей кровь»…

В 1789 году, когда было объявлено о созыве Генеральных штатов во Франции, она находилась в Неаполе. В надежде, что ей удастся испытать сильные чувства, «способные погасить пожиравшее ее пламя», она продала свои драгоценности и отправилась в Париж.

11 мая Теруань остановилась в гостинице «Тулуза», находившейся на улице Старых Августинцев. Для себя она решила, что «будет любить новую родину так же горячо, как любила мужчин».

Немного отдохнув после дороги, она посетила Пале-Рояль, являвшийся центром антимонархической агитации. Затем, надев зеленый костюм амазонки, отправилась в Версаль, где смешалась с толпой народа. Первое соприкосновение с народом принесло ей разочарование: прожив шесть лет в комфортабельных домах, в роскошной обстановке, с прислугой, в аромате духов, куртизанка обнаружила, что народ, из которого она, кстати, и сама вышла, очень дурно пахнет.

Для того чтобы продолжать посещать митинги и собрания бунтарей, которых она находила «страстными», Теруань заказала себе стек, полый набалдашник которого был наполнен ароматическими солями, позволявшими ей, как она выражалась, «нейтрализовать аромат третьего сословия».

После октябрьских событий она начала посещать политические клубы, а 10 января 1790 года создала свой клуб под названием «Друзья закона». Там она могла выступать по любому вопросу, входить в экстаз и, как выразился один историк, «познавать удовольствия любви, возбуждаясь от несчастий народа».

Для Теруань де Мерикур Революция обещала стать источником сладострастия…[53]

Ранним февральским утром 1790 года Теруань, облачившись в красную амазонку, плотно облегавшую ее тело, заявилась в «Клуб кордельеров» и потребовала, чтобы ее провели в зал заседаний. Стража узнала ее, и двери клуба мгновенно открылись перед ней.

Ее появление в зале было встречено аплодисментами, а Камилл Демулен, верный своей манере выражаться оригинально, воскликнул:

– Царица Савская пришла на встречу с Соломоном 54-го округа!

Теруань улыбнулась и, пройдя мимо плотоядно глядевших на нее членов клуба, поднялась на трибуну. В выспренном стиле она начала говорить пламенным голосом:

– Да, меня к вам привела ваша всем известная мудрость. Докажите же, что вы – Соломон, что именно вам надлежит построить храм и поспешите возвести здание Национального собрания. Таково мое предложение.

Члены «Клуба кордельеров», не сводя глаз с ее хорошо очерченной груди, встали и начали аплодировать ей.

– Разве могут, – продолжала она, – истинные патриоты далее мириться с тем, что исполнительная власть размещается в самом красивом дворце мира, а в то же самое время власть

законодательная прозябает в палатках, проводя свои заседания то в «Зале малых забав», то в «Зале для игры в мяч», то в «Манеже», подобно голубке Ноя, которая не смела сесть на землю…

Этот несколько любопытный образ вызвал овацию слушателей. Члены клуба, прекрасно знавшие, куда следовало сунуть руку, аплодировали «красной амазонке».

Раздувая ноздри, Теруань продолжала:

– Последний камень застенков Бастилии был принесен в Сенат, и господин Камю, поместив его в архив, каждый день с восхищением глядит на него; то место, где стояла Бастилия, свободно. У пяти тысяч рабочих нет работы. Чего же мы ждем, знаменитые кордельеры, лучшие люди округов, патриоты-республиканцы, римляне, слушающие сейчас меня?! Скорее откройте подписку по сбору средств на строительство дворца Национального собрания на том месте, где стояла Бастилия!

Франция немедленно последует за вами, она ждет только сигнала. Пригласите самых лучших рабочих, самых знаменитых художников, объявите конкурс среди архитекторов, рубите ливанские кедры, сосны с горы Ида!..

– Рубить, рубить! – вскричали кордельеры, пожиравшие глазами прелести Теруань и готовые разорвать на куски одежду, которая скрывала от их взоров столь очевидные прелести выступавшей перед ними дамы.

Теруань, не догадываясь о том, что своим видом вносит смятение в умы слушателей, продолжала:

– Ах, если бы камни могли двигаться сами, но не для того, чтобы были возведены стены Тебессы[55], а для того, чтобы создать храм Свободы! А чтобы украсить это здание, мы должны пожертвовать на это все наше золото и все драгоценные камни. И я первая подаю пример этому!

– Если будет нужно, мы пойдем за вами даже голыми! – воскликнул один кордельер.

– Браво! – поддержал его весь клуб.

– И гражданка – тоже! – добавил один из членов клуба с налитым кровью лицом.

Теруань не подозревала, к чему могла привести ее речь. Полная достоинства, она сказала:

– Вам было сказано: французы похожи на евреев тем, что они склонны к идолопоклонству. Пошлость ощущается чувствами: ей нужны внешние признаки, к которым привязывается ее культ. Отведите же взгляды ваши от павильона Флоры, от колоннады Лувра и взгляните на прекрасную церковь Святого Петра в Риме и Святого Павла в Лондоне. Истинный храм Вечности, единственно достойный ее, – это храм, где была провозглашена Декларация прав человека!

Утверждение по меньшей мере любопытное! Но кордельеры этого даже и не заметили, ибо все до единого были заняты тем, что мысленно раздевали бывшую куртизанку, про любовные похождения которой им было прекрасно известно.

Дрожащим от напряжения голосом, брызжа слюной, Теруань закончила свою речь такими словами:

– Французы в Национальном собрании провозгласили права человека и гражданина; это, несомненно, было зрелищем, на которое Высшее Существо смотрело с пониманием.

Вот те почести и восхваления, слушать которые ему намного приятнее, чем верхние и нижние октавы хоров, исполняющих псалмы Kyrie Eleison или же Salvum fac reginem…

Это неожиданное заключение было встречено бурными аплодисментами. Придя в необычайное возбуждение, члены «Клуба кордельеров» все до одного пожелали обнять прекрасного оратора. Теруань целовали, гладили и ласкали «как стая псов во время гона». Затем было принято решение, в котором Клуб заявил о своей поддержке внесенного гражданкой предложения. Дантон и Камилл Демулен, побившись об заклад, стали писать обращение к округам Парижа и департаментам.

Теруань вернулась домой счастливая…

Однако удовлетворение ее было недолгим. Утром следующего дня пресса взялась открыть кордельерам глаза на истинное положение дел. «Этот проект просто смешон, – писали газеты. – В то время как королевство пребывает в крайней нищете, о возведении какого бы то ни было храма не может быть и речи. Эти деньги лучше использовать на то, чтобы помочь обездоленным. Мадемуазель Теруань – всего лишь тщеславная куртизанка, желающая прославиться, а патриоты, проголосовавшие за ее предложение, стали жертвами ее обаяния».

Члены «Клуба кордельеров» повесили носы. Поддавшись очарованию сексуальной внешности прекрасной люксембуржки, они все оказались в очень незавидном положении.

Собравшись на срочное заседание, они приняли один довольно запутанный документ, который призван был удовлетворить всех. И в том числе их самих. Вот он:

«Собрание, заслушав председателя, предложившего выразить благодарность этой прекрасной гражданке за ее предложение, отмечает, что канон Совета в Маконе однозначно признал, что у женщин, так же как и у мужчин, есть душа и разум, и нельзя запрещать им так хорошо их использовать, как это делает мадемуазель Теруань, и что все, кто принадлежит к ее полу, всегда вольны предлагать то, что им кажется полезным для родины. Что же касается государственных дел, то, поскольку мадемуазель Теруань была допущена в окружное собрание только с правом совещательного голоса, Собрание было некомпетентно для того, чтобы принимать решение; и посему голосование считается недействительным».

Кому-то покажется забавным или даже смешным то, что патриоты ссылались на религиозный документ для того, чтобы доказать, что женщины имели право делать Революцию. Но время тогда было такое, что это являлось отнюдь не единственным противоречием…

Обозленная этой неудачей, Теруань решила доказать этим насмешливым патриотам, а заодно и всем роялистам, нападавшим на нее в своих газетенках, что с ней необходимо считаться.

И она стала любовницей Дантона, Камилла Демулена, Варнава, Популюса, Мирабо, а также значительного числа других депутатов Законодательного собрания.

Именно таким, свойственным только ей способом она захотела доказать всем, что была настоящей санкюлоткой…

Глава 5
Любовь к женщинам заставляет поэта Фабра д'Эглантина совершать революционные поступки

Вот, вот же буря,
Вот молния сверкает…

Фабр д'Эглантин

В начале Революции в Париже проживал один автор-актер, которого мотовство довело до нищеты. Звали его Филипп-Франсуа Назер-Фабр, но он взял псевдоним Фабр д'Эглантин[56]. Много лет он колесил по дорогам Европы с труппой актеров, играя пьесы, которые были написаны им самим, распевая хвалебные оды попадавшимся навстречу принцам для того, чтобы заработать на этом несколько экю, сочиняя на ходу песенки и, что в его жизни было самым главным, периодически затаскивая актрис в свою постель.

В Страсбурге он женился на Николь Годен; в Тионвиле был арестован за неуплату долгов; в Льеже получил пять экю за «хвалебное слово Гретри»; в Женеве стал любовником одной пылкой горожанки, которая организовывала у себя разгульные вечеринки; в Маастрихте, наконец, он сочинил прекрасный романс, первые строки которого и поныне знают все французы, поскольку этот романс начинался так: «Струится дождь, пастушка…»

В конце 1781 года он поселился на улице Театр-Франсе неподалеку от здания «Клуба кордельеров». Любовницей его в то время была очаровательная актриса Мария-Елизавета Жоли, из-за которой он за год до того бросил жену.

Эта связь ничуть не мешала ему, однако, поддерживать более чем дружеские отношения с некоторыми актрисами и служанками, на которых он и изводил те скромные суммы, которые соизволял выделять ему маркиз Ксименес за переписывание документов…

Но поэту хотелось менять любовниц ежедневно, и, «вероятно, из чисто гуманных побуждений, – как отмечал один историк, – предоставить право всем французским женщинам испытать благотворное действие его неистощимой и постоянно действующей мужской силы»…

«Фабр д'Эглантин, – метко отмечал господин де Френилли, – не мог пропустить ни одной женщины, не подумав при этом, что будущее еще прекрасней»[57].

Как-то вечером он решил заставить молить о пощаде сразу нескольких актрис «Комеди-Франсез», для которых он был «переменным любовником». Подвиг этот имел забавные последствия.

Давайте послушаем, как об этом рассказывает Ле-Бриссе:

«После ужина в кафе "Прокоп" в компании нескольких друзей из театра Фабр отправился с пятью юными актрисами к некоему Дюбару, проживавшему в то время в доме 26 по улице Ансьен-Комеди. Там все прилично выпили, и у артисток случилось то, что довольно характерно для женщин. Пары спиртного, вместо того чтобы ударить в голову, ударили им в промежность и сильно возбудили.

Все они обнажились и начали похотливо вертеться перед мужчинами.

– Для того чтобы удовлетворить меня, – ложась на канапе, сказала одна из них, – мне нужен целый полк.

Возможно, это было сказано для красного словца, но Фабр воспринял это всерьез.

– Я берусь заставить вас капитулировать, – сказал он. – И один постою за честь всех солдат и офицеров, о которых вы и ваши подружки так мечтаете…

– Договорились! – сказала актрисочка, блестя глазами.

Фабр вскочил на канапе и, проведя стремительный штурм, овладел маленькой цитаделью молодой женщины.

Очень скоро она испустила громкий стон, означавший капитуляцию. Но будущий член Конвента не принял условий перемирия и, не испытывая жалости к противнику, продолжал натиск. После второго приступа задыхающаяся актриса запросила пощады. Но Фабр, солдафон по натуре, решил продемонстрировать всю мощь своей артиллерии и последними залпами в упор расстрелял белокурое дитя, которое осталось без движения лежать на поле боя…»

Совершив этот блестящий подвиг, Фабр поднялся с широкой улыбкой на лице. Он имел все основания быть довольным собой. «Измотать таким образом женщину, – говорит нам Ле-Бриссе, – уже само по себе дело из ряда вон выходящее. Но суметь полностью погасить пламя желания актрисы из “Комеди-Франсез” это уже подвиг, достойный героев античного мира»…

И тут же четыре другие актрисы попросили Фабра провести с ними тот же самый курс лечения. Драматург смело устремился в бой. И четырежды одержал блистательнейшие победы. «Когда все пять актрис, полностью удовлетворенные и лишенные сил, были уложены на ковер, Фабр д’Эглантин еще раз захотел доказать, что силы его неисчерпаемы, и спросил у хозяина, пригожа ли на лицо его служанка. Тот ответил, что служанке всего шестнадцать лет и что он сам несколько раз уже вкусил от ее прелестей.

– Позовите ее сюда, – сказал Фабр. – У меня остались еще боеприпасы…

Служанка явилась на зов хозяина. Увидев лежащих на полу обнаженных артисток, она подумала, что Фабр их задушил и, обезумев от страха, с воплями выскочила на улицу. Находившиеся в “Прокопе” полицейские, а с ними и несколько посетителей, услышав ее крики, вломились в салон Дюбара. Поднятый ими шум привел актрис в чувство. Они с некоторым смущением обнаружили, что какие-то незнакомые мужчины созерцают их прелести.

Вскочив на ноги, актрисы устремились к окнам, чтобы прикрыть свою наготу шторами. Полицейские же, извинившись за вторжение, ушли, и вскоре весь квартал знал, каким ужином угостил актрис “Комеди-Франсез” Фабр д’Эглантин…

Увы! Ему суждено было стать жертвой своей повышенной половой потенции, поскольку актрисы, придя в ярость от того, что какие-то незнакомые люди видели их голыми, быстро оделись и ушли, хлопнув дверью, а служанка, потрясенная этим происшествием, закрылась в своей комнате. И бедняге Фабру, сумевшему полностью удовлетворить сразу пятерых девиц, пришлось, для того чтобы самому испытать хотя бы немного удовольствия, отстрелять последние свои заряды с девкой из Пале-Рояля…»[58]

Естественно, Мария Жоли узнала о том, что произошло на улице Ансьен-Комеди, и это ее крайне возмутило. Она отправила Фабру письмо, в котором сообщила, что полностью порывает с ним. Вот оно:

«Когда я была ослеплена Вами, Ваши манеры и Ваши поступки заставляли меня подозревать, что Вы – человек нечестный. Но я не могла, да и не хотела, заставить себя поверить в это. Следует признать, что Ваше коварство и Ваше злодейство зашли столь далеко, что это даже трудно себе представить. Я более не могу ничего ожидать от такого сердца, как Ваше; я слишком хорошо Вас знаю, чтобы предположить, что в сердце Вашем проснется что-то наподобие чести, что там могут обнаружиться деликатность, честность, эти столь ценные и замечательные качества, обладание которыми Вы с таким успехом умеете изображать, но которых у Вас никогда в жизни не было…»

Получив это письмо, которое навеки ославило его, представив в истинном свете, Фабр д'Эглантин, чтобы забыть про свою подружку, отправился в публичный дом, содержательница которого была одновременно «облегчительницей мошонок и опустошительницей кошельков». И там довел до полного изнеможения трех самых выносливых обитательниц этого пансиона…

Для того чтобы удовлетворять прихоти подобного темперамента, надо было владеть приличным состоянием. А этого-то у актера-автора и не было. И поэтому он использовал любые средства для того, чтобы раздобыть деньги. Революция, о которой столь громогласно говорил его сосед Дантон, показалась ему неожиданной и удачной находкой. Он понял, что, проявив немного ловкости, коварства и нечестности (а небо – свидетель, этого ему было не занимать), он сможет претворить в жизнь свои самые смелые планы. Поскольку терять ему было нечего, он надеялся воспользоваться надвигавшимся смутным временем для того, чтобы обогатиться, поставить в театрах свои пьесы, стать знаменитым и завести таким образом то количество любовниц, которое требовалось его любвеобильной натуре…

В конце 1789 года он вступил в «Клуб кордельеров», членами которого были уже Марат, Шометт, Эбер, будущий «Пер Дюшен», немец Анакарсис Клоотц. В начале 1790 года он был уже секретарем у Дантона. Так началась его политическая карьера.

Он сразу же начал плести интриги, связался с подозрительными личностями и стал использовать в своих целях все связи будущего трибуна. «Его судьба несчастного актеришки, – писал Руссель д'Эпиналь, – сделала из него человека, который хотел все попробовать, все посметь. Для него мир был огромным театром, и он пытался сорвать аплодисменты. Он хотел, не испытывая при этом ни малейшего угрызения совести, стать именно таким типом бессовестного политического деятеля во всей его неприглядности»[59].

И как все политические деятели подобного рода, Фабр д'Эглантин сумеет использовать престижность своего положения у кормила власти для того, чтобы уложить в свою постель многих девиц и поставить Францию в затруднительное положение.

Глава 6
Ферсен с любовницей хотят спасти королеву

Друг моего друга – мой друг.
Народная мудрость

В начале 1790 года, когда некоторые депутаты Учредительного собрания объединились в политические клубы, а доверчивый народ, став жертвой наемных агитаторов, с легкостью вешал любого, кто отказывался кричать «Да здравствует народ!», жизнь монархов в Тюильри была грустной и тягостной. После возвращения из Версаля они были взяты под стражу и оказались пленниками в собственной столице, а Ферсен пожалел о том, что монархи не скрылись в Меце, как им было в свое время предложено.

Оскорбления, которыми обезумевший народ осыпал Марию Антуанетту, были для него ежедневной пыткой. «Влюбляясь все сильнее, – писал Леон Фине, – он всей плотью своей страдал, видя, как обливали грязью существо, бывшее для него всем смыслом жизни».

Весной он почти ежедневно писал своей сестре Софи трогательные письма о королеве. Вот несколько отрывков из них. Они ясно дают понять состояние, в котором находился несчастный Ферсен:

«Я начинаю чувствовать себя чуть более счастливым, ибо могу время от времени свободно встречаться с моим другом, и это немного утешает меня и отвлекает от тех несчастий, которые она испытывает. Бедная женщина. За ее поведение, стойкость и мягкосердечие ее можно назвать ангелом; никто и никогда не мог так любить…» (10 апреля).

«Она достойна всех тех чувству которые Вы можете к ней питать. Она – самое совершенное создание из всех, кого я знаю. Ее поведение тоже совершенно, и оно покоряет всех: я повсюду слышу восхищение ею. Вы не поверите, как высоко я ценю ее дружбу, которой она меня наградила» (12 апреля).

«Она глубоко несчастна, но очень отважна, это – ангел… Я, как могу, стараюсь утешить ее, я просто обязан это делать, она так хорошо ко мне относится…» (21 мая).

«Она очень несчастна… Меня огорчает единственно то, что я не могу утешить ее полностью и оградить от всех бед, то, что не могу сделать ее такой счастливой, какой она заслуживает быть. Я пишу Вам от нее, из летней резиденции… Король и его семейство находятся сейчас в Сен-Клу» (28 июня)[60].

Немного позже он написал:

«Вот волосы, о которых Вы меня просили; если этого будет недостаточно, я вышлю их Вам еще; их дает мне она, очень тронутая этим Вашим желанием. Она так добра, так прекрасна, что мне кажется, что я люблю ее еще сильнее с того момента, как она полюбила Вас… Я не смогу спокойно умереть, если Вы не увидитесь с ней…»

Ненависть, которую питал народ по отношению к «австриячке», в конце концов привела шведа в ужас. Всю весну 1790 года он умолял Марию Антуанетту тайно покинуть Париж.

Королева, помятуя об оскорблениях, которые ей пришлось перенести по дороге из Версаля, и чувствуя, что вокруг Тюильри обстановка с каждым днем накалялась все больше и больше, с предложением Ферсена согласилась довольно легко.

Но вот Людовик XVI покидать столицу отказывался.

– Король Франции не должен пускаться в бегство, – говорил он.

Изменить свое решение его заставил один серьезный инцидент.

В пасхальный понедельник толпа, узнав о том, что он накануне отказался присутствовать на мессе, которую служил некий конституционный священник[61], напала на королевский экипаж в тот момент, когда король с семьей отправлялся в Сен-Клу[62].

В течение двух часов королевская семья подвергалась оскорблениям со стороны этих распоясавшихся молодцов. К крайнему своему удивлению, король услышал даже такие слова, с которыми к нему ранее никто никогда не обращался:

– Эй, ты, жирный боров!

Из чего он заключил, что некоторых его подданных при виде короля охватывало достойное сожаления возбуждение…

Подоспевший на место происшествия Лафайет спросил у монарха, не стоит ли отдать приказ гвардейцам разогнать толпу[63].

– Нет, – ответил Людовик XVI. – Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась кровь.

Наконец, когда угрозы стали вовсе устрашающими, король открыл дверцу, вылез из кареты и сказал, увы, достойным господина Прюдома голосом:

– Так, значит, вы не желаете, чтобы я уезжал… Что ж, в таком случае я остаюсь.

И он вернулся в Тюильри.

Вечером того же дня королева пригласила Ферсена в свой будуар:

– Дорогой Аксель, теперь король уже готов уехать. И он предоставляет вам полную свободу действий…

Побег являл собою предприятие довольно трудное и опасное: надо было достать деньги, фальшивые паспорта, карету, лошадей, кучеров, охрану, провизию; надо было организовать подставы, вывезти королевскую семью из Тюильри и добраться до границы.

Счастливый от мысли, что сможет спасти от опасности любимую женщину, Аксель принялся за работу… вместе со своей любовницей, Элеонорой Сюлливан.

Дело в том, что молодой швед, темперамент которого не мог ограничиться платонической любовью к королеве Франции, уже в течение целого года прилежно ложился в постель этой мадемуазель с бурным прошлым.

Вот как красочно описывает нам ее Эмиль Боманн:

«Рожденная в Лукке, провинция Тоскана, Элеонора Франки прожила полную приключений жизнь, очень напоминавшую жизнь Казановы[64]. Отец ее был одновременно портным и танцовщиком в городском театре. Она начала самостоятельную жизнь в двенадцать лет, став балериной. Вышла замуж за собрата по профессии танцовщика Мартини. На гастролях в Венеции герцог Вюртембергский влюбился в нее, похитил и увез к своему двору в Штутгарт, где сделал своей фавориткой. Элеонора родила от него мальчика и двух девочек. Потом он бросил ее. Она уехала, оставив детей в Штутгарте.

В Вене она танцевала для императора Иосифа II, который только от одного ее вида сошел с ума. Но бдительная императрица Мария-Тереза немедленно прогнала ее. Она начала скитаться по Германии, переезжая из города в город. В Кобленце Элеонору приметил шевалье д'Эгремон, посол французского короля при дворе курфюрста Трирского. Шевалье увез ее с собой в Париж, где она некоторое время бедствовала и даже была вынуждена торговать собой на улицах. Но потом она познакомилась с одним англичанином, мистером Сюлливаном, и вышла за него замуж. Вдвоем они отправились в Вест-Индию, где ее муж заработал кучу денег. Там

же она познакомилась с Куинтином Кроуфордом, младшим отпрыском известного в Шотландии семейства, братом сэра Александера Кроуфорда, который некогда бывал в Париже. Куинтин воевал в Вест-Индии против испанцев, а затем был назначен президентом компании “Ист Индиа К[0]” в Маниле. Он был гораздо богаче Сюлливана, и с ним жить было намного легче. Элеонора разрешила ему себя похитить, а точнее, похитила его сама. И они вдвоем вернулись в Париж с одной из ее дочерей, рожденных от герцога Вюртембергского, остановившись на улице Клиши[65] в отеле “Руйе д’Орфей”»[66].

Именно в это время Аксель Ферсен становится любовником Элеоноры. Благодаря богатому любовному опыту, приобретенному ею за всю свою бурную жизнь, она сделала так, что молодой швед в первую их проведенную вместе ночь почти позабыл про королеву…

Элеонора добыла для Акселя часть денег, которые были необходимы для организации побега монархов.

Но Элеонора добыла не только деньги. Под именем русской дамы, госпожи де Корф, она заказала у каретника Жана-Луи огромных размеров карету, в которой могла бы разместиться вся королевская семья со слугами.

Ремесленник тотчас принялся за работу, а любовница Ферсена, продолжая представляться баронессой Корф, запросила в посольстве России паспорта для Людовика XVI и Марии Антуанетты.

На подготовку ушло несколько месяцев…

Глава 7
Комедия первой брачной ночи Камилла Демулена

У Камилла не было чувства юмора.
Антуан Перро

Пока Жан-Луи работал в своей мастерской над изготовлением кареты, предназначавшейся для спасения королевской семьи, легкомысленные журналисты с непостижимой страстью всячески старались ввергнуть страну в испытание огнем и кровью. Среди них одним из самых яростных был Камилл Демулен[67], редактор газеты «Революции Франции и Брабанта». Однако же сей страстный памфлетист вел такой образ жизни, который, несомненно, очень бы удивил читателей его газеты.

По утрам, едва поднявшись с постели, он писал свои резкие, полные ненависти, высокопарные статьи. После обеда он слонялся по кафе, возбужденно что-то обсуждая, требовал смертной казни роялистам, ареста его личных врагов, поносил Лафайета, призывал запалить замки и называл себя «прокурором фонаря». Но когда наступала ночь, он возвращался к себе, ложился в постель и плакал, словно влюбленный подросток…

Каждую ночь этот кровожадный журналист, статьи которого бросали в дрожь всю Францию (и Брабант в придачу), этот памфлетист, писавший: *«Хватит с нас притворной чувствительности! Будем же Брутами и, если понадобится, Неронами!»,* этот человек, поливая слезами простыни, стонал: *«Люсиль! Люсиль, жизнь моя, сердце мое! Я люблю тебя!..»* – и обнимал подушку…

Вот уже в течение двух лет Камилл, рыдая по ночам, ждал, когда господин Дюплесси согласится отдать ему руку своей дочери…

Два года он делал все для того, чтобы завоевать известность и доказать отцу Люсиль, что он чего-то стоит. Два года именно с этой целью он влезал на столы, призывая людей к убийству, писал достойные каторжанина статьи…

В августе усилия его были наконец вознаграждены. Господин Дюплесси разрешил Камиллу, о котором уже говорил весь народ, переговорить о свадьбе с Люсиль.

Вне себя от радости, журналист помчался в Бурж-ла-Рен, где у семейства Дюплесси был загородный дом.

Увы! Начитавшись любовных романов, девушка, встретив его, притворилась, что не испытывает к нему никаких чувств. Скрывая свою любовь, она держалась с ним очень сухо, чтобы насладиться страданиями…

Камилл Демулен вернулся к себе в крайне подавленном настроении. Швырнув на пол оттиски статьи, в которой он обосновывал необходимость отдать весь жар сердец делу служения родине и умереть, как спартанцы, он сел за стол и написал Люсиль полное отчаяния письмо:

«Ну что же! Я отдаюсь моему несчастью, я отказываюсь от надежды обладать Вами; слезы мои струятся ручьями, но Вы не сможете запретить мне любить Вас. Пусть же другие будут осчастливлены тем, что могут видеть и слышать Вас. Значит, им благоволит небо. Что же до меня, то, видно, я был рожден в тот момент, когда небо было в гневе».

К концу письма тон его становится все более грустным. Он размышляет:

«Я хочу свыкнуться с мыслью о том, что она никогда не будет моей, что никогда я не смогу прижаться лицом к груди Люсиль, не смогу прижать ее к сердцу. Живи же в одиночестве, несчастный Камилл, лей слезы всю оставшуюся жизнь; забудь, если сможешь, как она поет, как играет на пианино; вычеркни из памяти ее очарование, то, как ты с ней гулял, ее окно, ее записки и все те прелести, о которых ты мог только догадываться».

Люсиль на это письмо не ответила и продолжала сладостно страдать и со слезами на глазах жалеть самое себя. После обеда она отправлялась, как это описывалось во многих прочитанных ею романах, обнимать дерево, на стволе которого было вырезано имя любимого, а вечерами записывала в свой дневник все то, что ей хотелось бы сказать этому обожаемому ею великому человеку.

«О, *ты, находящийся в сердце моем! Ты, которого я смею любить, милый мой К, ты считаешь, что я бесчувственная. Ах, жестокий, почему же ты не спросишь свое сердце для того, чтобы судить обо мне: да разве могло бы сердце привязаться к бесчувственному существу? Так вот, знай же: да, я предпочитаю страдать, хочу, чтобы ты забыл меня. О Боже! Оцени мою смелость. Кто из нас двоих страдает сильнее? Я не смею самой себе в этом признаться. Я постоянно стараюсь скрыть от тебя то, что я чувствую по отношению к тебе. Ты говоришь, что страдаешь? Ах, я страдаю много больше. В мыслях моих постоянно присутствует твой образ, он не покидает меня ни на секунду. Я ищу в тебе недостатки. Я их нахожу и влюбляюсь в них. Скажи, к чему все это? Почему надо это скрывать, даже от моей матери? Я хотела бы, чтобы она все знала, чтобы обо всем догадалась сама, мне не хотелось бы ей ничего говорить. О, небо! К, я дрожу уже от того, что написала первую букву твоего имени. Если бы ты мог прочесть все то, что я написала! Догадаешься ли ты об этом сам? Ах, К.! Стану ли я когда-нибудь твоей женой?»*

Госпожа Дюплесси, естественно, узнала о тайнах Люсиль. Слякотной декабрьской ночью она ненавязчиво рассказала обо всем мужу, и тот, прослезившись, дал наконец-таки свое согласие на свадьбу дочери.

Утром следующего дня Камилл узнал эту благую весть от своей бывшей любовницы[68]. Он тут же помчался в дом к Дюплесси, которые на зиму переехали жить в свою городскую квартиру на улице Турнон.

Тогда-то Люсиль, с «наслаждением» мучившая себя и любимого целых четыре месяца, не в силах более сдерживать владевших ею чувств, бросилась в объятия Камилла.

И на некоторое время журналист полностью позабыл о существовании врагов Революции…

Вечером, отложив в сторону работу, он написал своему отцу:

«Сегодня, 11 декабря, исполнились наконец все мои желания. Судьбе было угодно, чтобы я был вынужден долго ждать этого счастья, но оно в конечном счете пришло, и я так счастлив, как только может быть счастлив человек на этой земле. Очаровательная Люсиль, про которую я Вам уже рассказывал, та, которую я любил на протяжении восьми лет, та, которую родители согласились наконец-то отдать мне в жены, – она не отказывает мне…»

А чтобы доказать господину Демулену-отцу, что счастье не приходит одно, Камилл сообщил о том, что господин Дюплесси дал в качестве приданого дочери сто тысяч франков наличными и серебряную посуду, которую оценивали в десять тысяч франков…

Эти деньги, эта любовь, надежда на то, что у него будет счастливая семья и уютная жизнь, постепенно начали превращать нашего пламенного революционера в мелкого буржуа, недоверчивого и трусливого. И он написал в письме одну фразу, которая очень удивила бы читателей «Революций Франции и Брабанта»:

«Не вызывайте ненависти завистников Ваших и не рассказывайте им об этом!..»

Свадьба состоялась 29 декабря 1790 года в Сен-Сюльписе. Свидетелями на свадьбе со стороны Люсиль были Робеспьер и Себастьян Мерсье, а со стороны Камилла – депутат Жером Петьон и Алексис Брюляр.

После окончания мессы кюре попросил новобрачного в своих статьях с уважением относиться к религии.

Камилл с легким сердцем пообещал делать это в присутствии шестидесяти приглашенных. Хотя сам про себя решил, что будет лишь иметь это в виду.

– Я пришел туда вовсе не для того, чтобы сказать «нет», – воскликнет он позднее…

Священник долго расхваливал новобрачную. Та, в розовом платье, счастливо улыбалась. Затем он обратился к Камиллу:

– …Вы прославились на всю страну своими республиканскими статьями, и имя ваше навсегда останется в летописях Революции…

Присутствовавшие на бракосочетании вдруг увидели, как журналист смертельно побледнел и прикусил губу. Рассказывают, что Робеспьер, стоявший с ним рядом, ткнул его локтем в бок и прошептал:

– Заплачь же, если сможешь, лицемер…

И тогда Камилл разрыдался. Следом за ним прослезились и все гости. Все, кроме Неподкупного[69], разумеется. Его не трогало никакое волнение…

Свадебный стол был накрыт в квартире, снятой молодыми супругами по улице Театр-Франсе в доме 1 (сегодня это дом 38 по улице Одеон), на втором этаже над полуподвалом.

За столом гости много смеялись, пели песни, а на десерт веселый Робеспьер полез под стол для того, чтобы, согласно обычаю, развязать подвязку новобрачной[70].

И кто бы мог тогда предположить, что спустя два года все шестьдесят гостей веселой свадьбы покинут этот мир, а самый галантный из них, не дрогнув, отправит молодоженов на гильотину?

Если верить словам одного близкого приятеля журналиста, первая брачная ночь Камилла и Люсиль была очень бурной.

«После того, как последний гость покинул дом, – писал Антуан Перро, – молодые, не в силах более сдерживать свою натуру, устремились в спальню настолько поспешно, что сорвали со стены картину и сломали кресло.

Люсиль сбросила с себя одежду. Возбуждение ее было столь велико, что она разбила стоявшую на полке камина вазу. А в это время Камилл, волнение которого было ничуть не меньшим, чем волнение жены, неловким судорожным движением ноги порвал свои панталоны»[71].

Эти мелкие происшествия никак не сказались на действиях молодоженов, ничуть не охладили их пыл. Они бросились на кровать и начали проявлять интерес друг к другу с помощью всем известных жестов.

И вскоре естество заговорило в них в полный голос!

Правда, Камиллу пришлось столкнуться с некоторыми трудностями, поскольку кровать была очень узкой и он вынужден был правой рукой «опираться о пол для успешного завершения своего предприятия».

Охваченные огнем желания, они проявили столько чувства, столько ловкости и настойчивости, что кровать их с треском рухнула, и они очутились на полу.

И только когда в комнате была переломана вся мебель, а за окном начало светать, Камилл и Люсиль Демулены, уставшие и счастливые, заснули крепким сном…

Глава 8
Симона Эврар – вдохновительница Марата

Мужчины – это лишь то, что нравится женщинам.
Лафонтен

Декабрьским днем 1790 года некий господин лет сорока, с отталкивающим жабьим лицом, выпученными желтыми злобными глазами, приплюснутым носом и твердым ртом, вошел, озираясь по сторонам, в дом 243 по улице Сент-Оноре. Поднявшись на третий этаж, он постучал в дверь квартиры и постарался изобразить на лице подобие вежливой улыбки.

В проеме открывшейся двери показалась довольно красивая двадцатишестилетняя брюнетка, серые глаза которой при виде этого стоявшего на лестничной площадке монстра приняли нежное выражение.

– Входите скорее, – сказала она.

Мужчина вошел в маленькую квартирку, сразу же наполнив ее своим ужасным запахом.

Так Марат, директор газеты «Друг Народа», познакомился с молодой гражданкой Симоной Эврар…

Эта привлекательная особа родилась в 1764 году в городе Турню, где отец ее работал плотником на судостроительной верфи. В 1776 году она переехала в Париж, где устроилась работать на фабрику по изготовлению стрелок для часов.

Находясь в окружении смелых людей, веривших в дело Революции, она прониклась восхищением ко всем, кто хотел бороться с врагами Революции.

А в это время Жан-Поль Марат в своей газете с настойчивостью маньяка требовал начать массовые убийства.

В июне 1790 года он писал:

«Год назад пять или шесть сотен отрубленных голов сделали бы вас свободными и счастливыми. Сегодня же надо снести десять тысяч голов. А через несколько месяцев вы, быть может, обезглавите сто тысяч врагов и этим сотворите чудо: поскольку не будет вам покоя, пока вы не истребите всех, до последнего отпрыска, непримиримых врагов Отчизны…»

Спустя несколько месяцев он яростно призывал, не прекращая чесаться (поскольку страдал от шедшей по всему телу экземы, заставлявшей его для облегчения страданий жить в наполненной водой ванне):

«Хватит вам терять время на то, чтобы изобрести способы защиты. Из всех способов вам остается только один: тот, о котором я уже давно и неоднократно вам говорил: общее восстание и массовые казни. Даже если придется отрубить пять тысяч голов, нельзя колебаться ни секунды. Вешать, вешать, дорогие друзья. Это – единственное средство для того, чтобы сломить сопротивление ваших коварных врагов. Были бы они сильнее, они без жалости перерезали бы вам горло. А посему – режьте их безо всякого снисхождения».

Эти провокационные призывы к убийствам, быть может, и восхищали юную душу Симоны Эврар, но в конце концов надоели Национальному собранию, которое особенно возмутилось, когда Марат в своей газете написал:

«Беритесь за оружие!.. Пусть ваши первые выстрелы поразят подлого генерала[72]*, уничтожат продажных членов Национального собрания с подлым Рикетти*[73] *во главе. Отрубите же большие пальцы всем бывшим дворянам, разбейте головы всем клерикалам. Если вы глухи к моим призывам, значит, вы сами не лучше их!»*[74]

Мирабо, а особенно Лафайет, были вне себя от ярости. Генерал немедленно направил триста солдат в типографию «Друга Народа».

Обыскав все шкафы и перерыв все ящики, они конфисковали несколько номеров газеты, но не смогли найти Марата, который в это время скрывался в расположенном неподалеку винном погребке.

В этом мало пригодном для творчества месте любезный журналист продолжал писать свои кровавые манифесты. Узнав об обыске, произведенном в его типографии, он пришел в неистовство, стал призывать толпу к истреблению Национальной гвардии и попросил женщин называть Лафайета Абеляром[75].

На сей раз генерала чуть не хватил удар. На розыски Марата он бросил всю полицию.

Находясь в розыске, Марат в течение недели вел полную опасностей беспокойную жизнь, скрываясь и продолжая писать то на чердаке, то в подвале, а то и в пещерах монастыря «Кордельеров».

И так продолжалось до того дня, когда один из рабочих-печатников типографии газеты «Друг Народа» сообщил Марату, что нашел для него надежное убежище:

– Моя свояченица, Симона Эврар, восхищена вами, – сказал он. – Она готова спрятать вас у себя. Ну кому придет в голову искать вас у какой-то работницы с фабрики по производству стрелок для часов?

Марату эти доводы показались убедительными. На другой день он уже стоял у дверей квартирки Симоны Эврар, которая тут же влюбилась в него.

Эти уста, требовавшие крови, эти глаза, блестевшие при свете фонаря, этот лоб, за которым рождались планы массовых убийств, эти руки, без конца сжимавшиеся, будто бы на горле у антипатриотов, – все это необычайно возбуждало девушку.

В тот же вечер она стала любовницей публициста… Целых два месяца Марат скрывался в этой квартирке на улице Сент-Оноре, окруженный нежностью и заботой Симоны, питавшей к нему чувство, больше похожее на обожание. Пока он сочинял призывы к убийству, которым суждено было возбудить парижский люд, девушка, зная о его вкусах гурмана, готовила для него вкусное рагу…

Эта приятная жизнь беглеца в домашних туфлях очень нравилась Марату. В один из мартовских дней, стоя у открытого окна, он взял за руку свою любовницу и, как пишет Верньо, «объявил ей, что берет ее в жены в просторном храме природы».

Растроганная этим, Симона разрыдалась.

Увы! Как-то вечером один из его друзей сказал ему, что про его убежище стало известно и что Лафайет собирался направить туда полицейских. Насмерть перепуганный Марат помчался прятаться… к одному знакомому кюре в Версале, который милостиво принял его.

В своем новом убежище он пробыл недолго. То, что он находился под защитой Церкви, видно, не давало ему покоя и вызывало дополнительный зуд… Покинув кюре, он поселился в доме одного своего знакомого гравера по фамилии Маке.

Но там он повел себя плохо.

Хозяин дома сожительствовал с некоей мадемуазель Фуэс, которой было тридцать пять лет и которая была очень недурна собой. Марат с завистью поглядывал на нее, напуская на себя тот суровый вид, который так нравился женщинам[76]. На мадемуазель Фуэс это тоже подей-

ствовало, и, когда гравер спустя несколько дней уехал куда-то по делам на три недели, она без колебаний отдалась Другу Народа…

Вернувшись домой, Маке, естественно, узнал от услужливых соседей обо всем, что произошло в его отсутствие. Придя в ярость, он вышвырнул Марата за дверь.

Тогда журналист направился в Лондон. Но, решив, что его преследуют, он внезапно покинул дилижанс в Амьене, скрылся в лесу, а затем вернулся в Париж…

В столице он подвергался сразу двум опасностям: с одной стороны, его разыскивала полиция Лафайета, а с другой – гравер Маке, поклявшийся разделаться с ним[77].

И тогда Марат снова пришел к Симоне Эврар…

Это убежище – вопреки сообщению друга – не было известно ищейкам Национального собрания.

Марат скрывался там еще несколько месяцев в окружении ласки и забот своей любовницы.

Глава 9
Госпожа Дюбарри организует заговор против Революции

Хотя у нее была возможность уехать в эмиграцию и спокойно дожить до старости, бывшая фаворитка пожертвовала собой за дело монархии.
Жак Прево

11 января 1791 года издатели газет передавали друг другу новость, которая заставила завистливо вздыхать многих женщин.

Накануне ночью воры, пробравшись в замок Лувесьен близ Марли, похитили шкатулку с драгоценностями, одно только перечисление которых напоминало сказку.

Из дома в дом добрые люди передавали друг другу эту новость:

– Вероятно, – говорили обыватели, – среди украденных вещей были и роза, сделанная из пятидесяти восьми бриллиантов… колье из двухсот мелких жемчужин с бриллиантом размером с куриное яйцо…

Комментарии были весьма и весьма тенденциозными:

– Воры правильно сделали! – говорили мужчины. – Обладать такими сокровищами в наше время равносильно преступлению против родины.

Женщины в своих высказываниях были еще более категоричны:

– Это – оскорбление народа! Только шлюха может иметь такие украшения!

Люди распалялись, и каждый в конечном счете требовал отправить на гильотину… не грабителей, а жертву этого необычайного ограбления.

А жертвой была госпожа Дюбарри…

О бывшей фаворитке Людовика XV почти не вспоминали начиная с 10 мая 1774 года. Именно в этот день, спустя всего десять часов после смерти «Желанного» короля, она по приказу Людовика XVI была отправлена в ссылку. Преодолев, не прекращая рыдать, двадцать лье, она скрылась в аббатстве Понт-о-Дам, где набожные монашки в первые дни ее пребывания не смели взглянуть ей в лицо, предпочитая разглядывать ее с помощью зеркала…

Убедившись в том, что в лице ее не было видно черт дьявола, чего они так опасались, эти добрые женщины начали восторгаться ее красотой.

Со временем, окончательно побежденные очарованием и нежностью графини, они осмелели до того, что начали с ней разговаривать. После чего стали делать все от них зависящее для того, чтобы облегчить ее жизнь в ссылке.

Заключение ее длилось вплоть до июня 1775 года, когда госпожа Дюбарри, уже свыкшаяся с монастырской жизнью, получила от короля разрешение покинуть Понт-о-Дам и поселиться в Лувесьене.

Там она стала любовницей Луи-Эркюля-Тимолеона де Бриссака, герцога де Косее, подполковника Швейцарской гвардии и губернатора Парижа. Это был голубоглазый дворянин, мужская сила которого как нельзя лучше подходила пылкому темпераменту прекрасной графини. Затем госпожа Дюбарри познакомилась с владельцем замка в окрестностях Лувесьена, Анри Сеймуром, отпрыском славного семейства Сомерсетов. Она влюбилась в него при первой же встрече.

Однажды она послала ему записку, которая была предвестницей наслаждения:

«Уверенность в Вашей нежности, мой ласковый друг, наполняет счастьем мою жизнь. Поверьте, сердцу моему эти два дня показались очень долгими, и, *что будь на то моя воля, я без колебаний и жалости сократила бы их. Жду Вас с нетерпением и полностью принадлежащей Вам душой и надеюсь, что Вы ничего иного не желаете…*

Прощайте, я – Ваша. Четверг, в два часа…»

А уже в следующую субботу Анри Сеймуру довелось на бархатном стеганом одеяле отведать сказочных чар этой, столь любезно подаренной ему души…

И с той поры, принадлежа одновременно двум мужчинам, которых одинаково любила, госпожа Дюбарри зажила довольно насыщенной чувствами жизнью. С большой ловкостью она умудрялась жить одновременно и с герцогом, и с графом. А те, вполне понятно, с исключительной любезностью ненавидели друг друга. Утром она писала Сеймуру:

«Если бы сердце мое могло позволить сделать это, Вы получили бы от меня коротенькую записку и потом стали бы меня упрекать; я так устала, написав только что четыре больших письма, что у меня нет сил кроме как на то, чтобы написать Ваму что я Вас люблю. Завтра я объясню Вам, что именно помешало мне встретиться с Вами, но, поверьте, что бы Вы ни подумали об этом, Вы останетесь единственным другом моего сердца. Прощайте, нет сил говорить Вам больше…»

Что, однако же, не помешало ей принять на другой день в постель герцога де Бриссака. Но, едва тот ушел, она очень «честно» написала Сеймуру:

«Сегодня я в Париж не приеду, поскольку то лицо, на встречу с которым я должна была ехать, само прибыло сюда, едва Вы ушли. Этот визит поставил меня в очень неловкое положение, поскольку я полагаю, что он был как-то связан с Вами. Прощайте, жду Вас с нетерпением и бьющимся сердцем, которое всецело принадлежит Вам и которое, несмотря на несправедливость с Вашей стороны, чувствует, что никому больше принадлежать не может. Я думаю только о Вас, говорю Вам это снова и снова. И жалею лишь только о том, что лишена возможности говорить Вам это ежесекундно…»

Кончилось все это тем, что Анри Сеймур стал что-то подозревать, а вскоре вежливо, но твердо порвал с ней. И тогда госпожа Дюбарри, с сожалением понимая, что от нее уходит половина ее удовольствий, написала ему вот такое милое письмо:

«Нет смысла говорить Вам о моей нежности и моей чувствительности: Вам это хорошо известно. Но Вы не знаете, как мне тяжело. Вы не снизошли до того, чтобы попытаться успокоить боль моей души… Сердце мое страдает; но я наберусь терпения и отваги для того, чтобы его унять… Прощайте же и верьте в то, что Вы – единственный человек, которым занято мое бедное сердце.

Среда, в полночь».

После чего она отправилась с герцогом де Бриссаком в небольшое путешествие по Нормандии. Герцог был очень счастлив тем, что мог показать своим друзьям, что «он получает удовольствия в том месте, которое было облагорожено пребыванием короля Франции…»

В 1789 году госпожа Дюбарри, которая на протяжении девяти лет пользовалась всеми привилегиями монархии, с чисто женской непоследовательностью проявила себя чуть ли не сторонницей новых идей. Одно время она принадлежала к партии Неккера, защищала фило-

софов, экономистов, ей нравилось предаваться мечтам об идеальной демократии, читая Руссо, почитателем которого был и герцог де Бриссак.

Увы! Для того чтобы обрести счастье, народ стремительно пошел по пути, которого никак не мог предвидеть по простоте своей автор «Общественного договора». Поскольку вокруг людям с легкостью перерезали горло во имя справедливости и свободы, графиня пришла к выводу о том, что философская система была далека от совершенства и время ее еще не пришло. А потом случилось происшествие, после которого она окончательно отошла от революционеров.

Случилось так, что после падения Бастилии де Бриссак был арестован в Дюртеле близ Флеш. И арестовавшие его «патриоты» стали размышлять над тем, не должны ли они были отрубить ему голову.

– В чем вы меня обвиняете? – спросил их герцог. – В чем состоит моя вина?

– Аристократ всегда в чем-нибудь виновен, – ответил ему какой-то пьяный.

К счастью, кому-то из них пришло в голову направить гонца в Париж для того, чтобы спросить у властей, каким способом следовало убить господина де Бриссака. На другой день патриотам было доставлено письмо с приказом немедленно отпустить на свободу губернатора Парижа…

Это происшествие потрясло графиню, и с той поры она стала ярой противницей Революции.

Дрожа от страха и переживая за своего любовника, она стала требовать, чтобы тот ежедневно навещал ее или присылал письма для того, чтобы ее успокоить. Бриссак, занимавший в то время должность Главного раздатчика хлеба, жил в Тюильри. Однако же он подчинялся этой нежной тирании и каждый день ездил из Парижа в Лувесьен.

В 1790 году госпожа Дю Барри, поддерживавшая переписку со всеми своими эмигрировавшими из Франции друзьями, предоставила свое состояние, дом и три квартиры в Париже в распоряжение заговорщиков-роялистов. Этот поступок приятно удивил двор и графа д'Артуа. Господин д'Эспеншал, находившийся с этим принцем в Венеции, как-то вечером записал в своем дневнике:

«Не могу обойти молчанием то, что господин Пьюро сообщил нам о графине Дю Барри. Эта дама, укрывшись в Лувесьене, с первых дней Революции проявляла самые роялистские настроения. Доподлинно известно, что она, продав некоторые из своих драгоценностей на сумму 50 000 ливров, отдала эти средства на то, чтобы они могли сослужить службу Королю и Королеве, когда им это понадобится. Думаю, поступок этот должен послужить тому, что люди лучше узнают и станут судить не столь строго женщину, которая не так давно была жертвой ужасной клеветы».

Вскоре госпожа Дюбарри пожелала принять более активное участие в деле защиты монархии, которая дала ей все. Эмигрировать не имело смысла, поскольку для того, чтобы принести какую-то пользу делу монархии, надо было не только суметь выехать из Франции, но и вернуться туда, не вызвав подозрений у революционеров. Что же можно было придумать для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно пересекать границу? Она долго и безрезультатно ломала над этим голову до тех пор, пока на помощь ей не пришел английский агент Паркер Форт, предложивший разыграть комедию с «кражей» драгоценностей, о которой парижане с возмущением говорили тем утром 11 января 1791 года.

Став жертвой ограбления, госпожа Дюбарри превратилась в потерпевшую, которой правосудие должно было оказать помощь. Кроме того, она могла отправиться туда, где были бы арестованы ее грабители.

Тут же по просьбе графини ювелир Руен опубликовал брошюру, в которой было обещано большое вознаграждение тому, кто вернет или же поможет отыскать драгоценности, внушительный список которых прилагался…

Эта брошюра была распространена бесплатно и в большом количестве, и вот, спустя месяц, 15 февраля, госпоже Дюбарри сообщили, что ограбившие ее люди задержаны… в Лондоне!

На следующий же день, получив официальный паспорт, она уехала в Кале, где встретилась с Фортом. Затем они вдвоем сели на корабль в Булони…

Так революционеры были обмануты…

В Лондоне госпожа Дюбарри остановилась неподалеку от Пикадилли в гостинице на Джермин-стрит, хозяином которой был Гренье, бывший повар герцога Орлеанского.

Зная, что за ней следили одновременно английская полиция и французские шпионы, графиня поначалу занялась только своими «грабителями». Она отправилась к лорду-мэру для того, чтобы под присягой показать, что найденные бриллианты принадлежали ей. Потом встретилась с представителями английского правосудия по вопросу судебного процесса, который она собиралась начать.

После этого она была принята в лондонском высшем свете. Высшее общество в то время было занято обсуждением одной необычной истории.

Попытаемся вкратце изложить эту историю, донесенную до нас оставшимся неизвестным автором книги «Серали Лондона».

В графстве Йоркшир был один замок, который принадлежал лорду Вильяму Дж…ру. Этот замок, выстроенный в XII веке, имел одну, очень пугавшую дам особенность: в нем обитал призрак. Призрак этот бродил по коридорам, испуская ужасные жалобные стоны, а затем направлялся в сторону апартаментов леди Дж…р и исчезал в толще стены. Рассказывали, что это был призрак некоего рыцаря, который в XVI веке был влюблен в прапрапрабабку лорда Вильяма и который однажды ночью проник в замок с намерением взять ее силой, но был убит одним из стражников в тот момент, когда шел по коридору. И небо обрекло его вечно возвращаться в жилище, где он хотел совершить это гнусное преступление.

И с XVI века этот призрак каждую ночь бродил по замку В., а затем исчезал в стене. В толще ее призрак этого несчастного, надо полагать, ужасно страдал, поскольку некоторые смелые стражники, которые однажды проследили за призраком, слышали своими ушами, как он тяжело дышал, вздыхал и стонал.

Всякий раз, когда кто-нибудь из рода Дж…ров женился, он обязательно предупреждал свою невесту о том, что в его замке обитало привидение, а также о том, что ей не следовало пугаться, когда она услышит, как к ее комнате будут приближаться ужасные крики. Вначале молодые женщины, естественно, дрожали от страха. Но, как свидетельствовали летописи, затем жены очень быстро привыкали к призраку и якобы не обращали на него совсем никакого внимания.

И вот, в результате одного происшествия, случившегося в январе 1791 года, все узнали о любопытном открытии, сделанном уважаемым сэром Вильямом Дж…ром.

Однажды вечером, когда он засиделся дольше обычного в своем рабочем кабинете, где был занят составлением истории своего славного семейства, барон услышал, как по коридору мимо двери его кабинета со стенаниями проследовал их семейный призрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.